АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

СМѢШНОЕ ВЪ СТРАШНОМЪ

Новые разсказы
1920 — 1923

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СѢВЕРЪ"
АКЦ. ОБЩ.
БЕРЛИНЪ

Alle Rechte vorbehalten
Copyright 1923 by SEWER A. G.
BERLIN W. 35, Genthinerstr. 19.
Всѣ права сохранены за
Книгоиздательствомъ „СѢВЕРЪ“ Акц. О-во. БЕРЛИНЪ.

БИБЛИОТЕКА

— Печатано въ типографіи Об-ва „ПРЕССЕ“. —
Berlin S.W 19, Leipzigerstr. 59.

Извиненіе автора

Не преступленіе ли — отыскивать смѣшное въ страшномъ?

Не кощунство ли — весело улыбаться тамъ, гдѣ слѣдовало бы рвать волосы, посыпать пепломъ главу, бія себя въ грудь и, опустившись на колѣни возлѣ вырытой могилы, долго неутѣшно рыдать?..

Вотъ два вопроса, которые были бы совершенно правильны, если бы... около насъ былъ, дѣйствительно, настоящій трупъ.

Но Россія — не трупъ. Долго хлопотали, много сдѣлали для того, чтобы превратить ее въ неподвижное, гніющее, мертвое тѣло, однако — руки коротки у горе-хирурговъ. Паціентка, все таки, жива.

У нея выпустили кровь, — новая кровь разольется по жиламъ и могучими бодрыми толчками пробудитъ къ дѣятельности затихшее сердце.

Ей выкололи глаза, а она уже начинаетъ прозрѣвать.

Вырѣзали языкъ, а она говоритъ. Пока еще тихо, безсвязно, но будетъ часъ, загремитъ ея голосъ, какъ громъ, и многіе подлецы и шулера задрожатъ отъ ужаса, а для насъ это будетъ раскатомъ весенняго грома, за которымъ слѣдуетъ бодрый, теплый дождикъ, освѣжающій, смывающій всю грязь...

Ей отрѣзали руки, — ноги... Ничего! Придетъ часъ — срастется все. Еще крѣпче будетъ.

Ну, — видите? При чемъ же здѣсь битье въ грудь и посыпаніе скорбныхъ главъ пепломъ?..

Значитъ, смѣяться можно.

Больше того, — смѣяться должно. Потому что у насъ одинъ выборъ: или пойти съ тоски повѣситься на крючкѣ отъ украденной иконы, или, — весело, разсыпчато разсмѣяться.

* * *

Здѣсь, передъ вами — «очерки новаго быта», выкованнаго мозолистыми руками пролетаріата: Зиновьева, Троцкаго и Ко...

Аркадій Аверченко

Голодный пикникъ

Глава I Съ визитомъ

Гришка Зерентуй, совѣтскій нуво-ришъ, разбогатѣвшій на ночныхъ обыскахъ безъ мандатовъ, — былъ парень не промахъ.

Распухши отъ денегъ и брилліантовъ, онъ рѣшилъ, что теперь самое фартовое дѣло —пролѣзть въ высшее общество.

— Богатый человѣкъ безъ связей, — гнилая работа, — сказалъ онъ самому себѣ. — Дергану-ка я съ визитомъ до самой до мадамъ Ульяновой-Лениной. Приметъ меня — клевое дѣло, дадутъ по шеѣ: — «нарѣжу винта». Ничего не попишешь.

Изъ романовъ онъ зналъ, что въ высшемъ обществѣ визитъ — чистое, благородное дѣло. «Пріѣду, раздѣнусь въ вестибюлѣ, выйдетъ мажордомъ... Спрошу: «Принимаютъ?» — «Какъ прикажете доложить?» — Выну карточку съ золотымъ обрѣзомъ, скажу: «Доложи!»... «Пожалуйте въ будуаръ!» — Очень все будетъ фельтикультяпно».

Въ дѣйствительности, начало визита немного разошлось съ этими изящными предположеніями.

Когда онъ элегантно взбѣжалъ на крыльцо, откуда-то выскочилъ дѣтина, обвѣшанный маузерами, наганами и кольтами, какъ рождественская елка

картонажами. Дѣтина навалился на Гришку сзади, ловко завернулъ руки за спину и прохрипѣлъ:

— Куда лѣзешь, сволочь?

— Что вы, помилуйте! Я съ визитомъ до мадамъ Лениной.

— Мандатъ имѣешь?

— Да я просто, какъ знакомый. Какой тамъ къ чертямъ собачьимъ мандатъ?

Въ связи съ перемѣной свѣтской обстановки и съ Гришки слетѣла вся свѣтскость...

— Я другого такъ хватану за руки, что два дня вертѣться будетъ. Твое дѣло доложить, а не набрасываться, какъ бѣшенный кобель.

— А мнѣ, впрочемъ, что. Идите. Тамъ все одно осмотрютъ.

Тяжело дыша послѣ борьбы, Гришка вошелъ въ переднюю и, подойдя къ зеркалу, сталъ оправлять фисташковый атласный галстукъ.

Двое какихъ-то быстро сбѣжали съ лѣстницы и, наставивъ что-то на Гришку, скомандовали:

— Руки вверхъ!

— На какой предметъ? — спросилъ Гришка, поднимая руки.

— Оружія нѣтъ-ли? Ну-ка, покажи карманы... А сзади? А за пазухой?

Обыскали. Снова спросили мандатъ. Узнавъ, что «съ визитомъ», удивились и будто не совсѣмъ поняли.

— Ну, иди, что-ли. Тамъ у товарища Лениной Троцкая сидитъ. Наверху проведутъ, куда надо. Только ежели изъ фарфору, альбо бронзы что сопрешь, — все равно, на выходѣ обыщемъ...

— Кель выражансъ, — подумалъ Гришка, пожимая плечами и проходя по многочисленнымъ пустымъ комнатамъ...

Глава II Causerie о голодѣ

— Простите, мадамъ, что я такъ нагрянулъ безъ приглашенія, — расшаркался Гришка Зерентуй, цѣлуя дамамъ ручки. — Позвольте вручить для ради перваго знакомства...

— Что это такое?

— Три трилліончика чистоганомъ для вашихъ бѣдныхъ, мадамъ. отъ неизвѣстнаго!

— О, мерси... Ахъ, сейчасъ столько бѣдныхъ, столько нужды, что прямо всякій грошъ дорогъ! Вы служите?

— О, нѣтъ. Я такъ просто, кой чего.

Помолчали.

— До вашего прихода мы говорили о голодѣ. Этотъ голодъ прямо меня угнетаетъ.

— Да что вы! Какое безобразіе, — сочувственно прочмокалъ языкомъ Гришка. — Голодъ, оно дѣйствительно. Непріятное занятіе.

— Ахъ, и не говорите. Я все время думаю, что они тамъ ѣдятъ, чѣмъ питаются? Въ газетахъ пишутъ все о непонятныхъ продуктахъ: какой то конскій щавель, лебеда, супъ изъ травы, дубовая кора, корешки, жолуди...

— А вы знаете, — защебетала madame Ленина. — Мнѣ бы такъ хотѣлось всего этого попробовать... Но гдѣ тутъ достать въ Москвѣ? Я просила мужа — онъ говоритъ: глупости!

Въ оборотистой головѣ Гришки мелькнула мысль: вотъ путь для укрѣпленія столь нужныхъ свѣтскихъ связей.

— Мосдамесъ! — умильно сказалъ Гришка, прижимая порыжѣвшій цилиндръ къ груди. —Разрѣшите, я вамъ это устрою?.. Желаете, могу вамъ предоставить настоящій голодный обѣдъ изъ тѣхъ самыхъ веществъ, которыми питаются мужики!..

— Серьезно?!. — Оживились дамы. — Ахъ, это очень мило съ вашей стороны. Мы такъ бы хотѣли имѣть понятіе... Но какъ это устроить?

— Мосдамесъ! — даже застоналъ Гришка. — Осчастливьте! Не побрезгуйте свѣтскими традиціями, — пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать... Мой поваръ...

— Но, удобно ли... Вѣдь мы почти незнакомы...

— А знаешь что? — оживилась Троцкая. — Мы это могли бы сдѣлать ввидѣ пикника. Возьмемъ съ собой Вовочку и Жоржика...

— Ейные хахаля, — подумалъ прозаическій Гришка. — Р-ради Бога, осчастливьте!..

Глава III Голодный обѣдъ

Шумно усаживались за большой, накрытый въ саду Гришкинаго особняка столъ.

— Какое же меню? — спросила мадамъ Троцкая, кокетливо оправляя брилліантовую брошку.

— А, извольте видѣть, и меню есть съ золотымъ обрѣзомъ, не извольте безпокоиться.

— Ахъ, я такъ волнуюсь, — прощебетала Ленина. — Съѣсть настоящій голодный обѣдъ! Съѣсть то, чѣмъ питаются сейчасъ 25 милліоновъ людей и

о чемъ пишетъ вся Европа! Ознакомьте же насъ съ меню.

— А вотъ-съ!

«Голодный обѣдъ Григорія Спиридоныча Зерентуя въ честь бѣдныхъ голодающихъ мужичковъ».

Похлебка изъ лошадинаго щавеля.
Жолуди.
Дубовая кора, соусъ мадера.
Корешки.
Лебеда фрикассе.
Дессертъ: конскіе каштаны.

— Пасюшьте, — спросилъ Вовочка. — А мы отъ этого не умремъ?

— Будьте покойны. Даже цынги не будетъ.

— Господа, — кокетливо заиграла хорошенькими глазками Троцкая, — объясните мнѣ ради Создателя, что такое — цынга?

— А это такое, когда зубы выпадаютъ, — любезно объяснилъ Гришка.

— Ма фуа! — воскликнулъ общій баловень Жоржикъ, секретарь Лениной: — Значитъ у моего дяди тоже была цынга! У него каждый вечеръ выпадали зубы и опускались въ стаканъ съ водой.

— Противный, — засмѣялась Ленина. — Не говорите гадостей передъ обѣдомъ. А вотъ и похлебка... Неужели это лошадиный щавель?! А, знаете, очень вкусно. А это что? Кажется половинка яйца?

— Дикое яйцо, — объяснилъ Гришка. — Въ конскомъ щавелѣ на каждомъ шагу попадаются!..

— Чрезвычайно вкусно! И наваристо. А это, что отдѣльно подано? Неужели, жолуди? Совсѣмъ вкусъ пирожковъ съ фаршемъ.

— Домашній жолудь,—сказалъ Гришка.— Внутрѣ у его такая мякоть. Только наше мужичье варить не умѣетъ.

— И подумать, что раньше этой вкусной штукой свиней кормили, — удивился Жоржикъ.

— Жить не умѣли, — улыбнулся Гришка Зерентуй. — Месдамесъ, можно еще жолудей?... А вотъ и дубовая кора!

— А какъ же ее ѣсть? — удивилась Троцкая. — Она вѣдь твердая.

— Пустяшное дѣло. Верхнюю корку ножемъ снимите, а внутрѣ мягкое, — любезно объяснилъ амфитріонъ.

— А вѣдь вѣрно! Полная иллюзія молочной телятины! Неужели это дубовое?

— Все отъ повара зависитъ, сударыня, — самодовольно сказалъ Гришка. — Хорошій поваръ изъ калоши «Проводникъ» такой бифштексъ тру-ля-ля ушкварить!

— А вотъ и корешки. Что это за порода?

— Земляные. Поваръ ихъ аспержемъ называетъ. А соуску? Есть бѣленькій, есть желтенькій.

— Прямо чудесно! Если бы не знала, что корешки, — прямо бы подумала — спаржа.

— Слѣдующій номеръ! — въ экстазѣ ревѣлъ Гришка. — Лебеда!

— Послушайте... — недоумѣнно подняла брови Вовочка. — Какая же это лебеда? Форменная птица.

— Лебеда — птица и есть, — спокойно сказалъ Гришка. — Самка лебедя.

— Pardon, но самка лебедя называется лебедка.

— Не говорите глупостей, — засмѣялась Троц-

кая. — Лебедка это такое... на пароходѣ. Чѣмъ вещи поднимаютъ.

— Такъ это вотъ и есть лебеда? Чего жъ мужички плачутся?.. Оно превкусно! Однако, я думала, что лебеда — трава.

— Никакъ нѣтъ. Нешто можно было бы простую траву жрать? Хотя вотъ на дессертъ подадутъ конскіе каштаны. Кажется, ерунда съ масломъ, дрянь, а ежели тертые, да со сливками — такъ за ушами трещать будетъ. Месдамесъ! А еще лебеды кусочекъ? Вотъ крылышко!

Отъ стола встали отяжелѣвшіе. Ковыряя головной шпилькой въ зубахъ, madame Троцкая облегченно вздохнула и сказала:

— Теперь я знаю, какъ питается мой народъ! И я за него совершенно спокойна... Пока есть дубовая кора, лебеда, корешки и конскій щавель, — мой народъ не погибнетъ...

Атташе Канторовичъ

Въ Стамбулѣ на одной изъ кишящихъ разношерстнымъ народомъ уличекъ я встрѣтилъ его.

У него въ рукѣ былъ небольшой саквояжикъ. Онъ сказалъ:

— Господинъ, не нужно ли сигаръ, сигаретъ, русскихъ папиросъ?..

— Не нужно.

— Гм... Не нужно. А я думалъ, — нужно. Слушайте, кстати: вы не знаете, какъ по французски — сигара?

— Да такъ и будетъ: ля сигаръ.

— Что вы говорите?.. Совсѣмъ какъ мерси. И по русски мерси и по французски — одно и то же. Я еще когда въ Одессѣ жилъ — такъ очень удивлялся...

— Хорошій городъ Одесса, — похвалилъ я.

— А что, скажите, мнѣ ваше лицо знакомо. Вы, часомъ, не жили въ Одессѣ?

— Часомъ не жилъ, а по недѣлямъ живалъ.

Онъ вдругъ пристально сталъ въ меня всматриваться.

— Гм... Острить. Бритый. Въ пенснэ. Послушайте?!. Чтобъ я сдохъ, если вы не писатель...

— Писатель.

— Такъ это вы за насъ написали разсказъ: «Золотые часы»... Помните, вывели Канторовича и Гендельмана, что одинъ другому никакъ не можетъ часовъ продать. Какъ вы тогда писали: «Странный городъ — Одесса. У одного есть часы, у другого — деньги. И одинъ хочетъ купить часы, а другой продать... Такъ они не могутъ этого сдѣлать, потому что они одесситы». Ой, какъ вся Одесса тогда съ насъ смѣялась. Ну, ничего... Намъ, все-таки, было пріятно, что мы вошли въ литературу.

— Вы давно изъ Одессы?

— Ай, и не говорите. Чуть не пѣшкомъ приплылъ. Слушайте, Аверченко... (онъ взялъ меня за пуговицу). Ну, что будетъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ этой дрянью паршивой, съ большевиками. Съ ума можно сойти. Вы знаете, я жилъ въ Одессѣ еще при Толмачевѣ... Такъ, знаете, какъ мнѣ теперь кажется Толмачевъ? Родной папа! дайте мнѣ его, я закричу ура. Что Толмачевъ? Дайте мнѣ городового нашего Бульварнаго участка Таганчука! и я скажу ему: Володя, дай я тебя поцѣлую въ глазки». И я возьму его, приведу къ себѣ и угощу его съ графинчикомъ водки и жареной рыбой, и мы съ нимъ оба будемъ сидѣть по серединѣ комнаты и, какъ дураки, плакать. Это навозное сметье говоритъ теперь: «Мы даемъ вамъ свободу и миръ, пожалуйте въ ГПУ». Или: «Для счастья пролетаріата становись, жидовская морда, къ стѣнкѣ». Чтобъ мои враги имѣли такое пролетаріатское счастье. Когда меня Таганчукъ бралъ въ участокъ — это стоило три рубля, когда меня Дейчъ беретъ въ ГПУ, — мнѣ это

стоитъ, извините, пули въ животъ. Ахъ, Канторовичъ, Канторовичъ...

— При чемъ тутъ Канторовичъ?

— Эй, значитъ, вы ничего не знаете? Въ прошломъ году приходитъ онъ ко мнѣ и говоритъ: «Прости меня, Гендельманъ, но я поступилъ въ идейные коммунисты». Я плюнулъ ему около сапога и говорю: «Ты, Канторовичъ, идейный отъ слова идіетъ. Пошелъ вонъ!» — «Ты, говоритъ онъ, не ругайся, потому что эта наша революція планетарная. И я — Канторовичъ, — тоже планетарный». «Планетарная холера тебѣ въ кишки! Попугай несчастный. Одинъ жуликъ пустилъ слово — тысяча дураковъ повторяетъ. Канторовичъ, вы мнѣ не другъ!» — говорю я, какъ Ленскій въ «Онѣгинѣ». — «Проваливайте, пока я вамъ по мордѣ не надавалъ». И онъ ушелъ, какъ буквально побитая собака. Правда, когда потомъ у меня дѣлали обыскъ, нашли полтора фунта сахара и забрали въ Чека за спекулятивное храненіе товаровъ, — этотъ дуракъ притепался до Дейча просить за меня и меня выпустили, но... я ему даже руки не подалъ, чтобъ я такъ жилъ!

— Гдѣ же теперь Канторовичъ?

— Монька Канторовичъ? Развѣ вы не читали въ газетахъ. Еще, помните, когда вы записывали нашъ разговоръ за золотые часы, такъ тамъ у васъ есть, какъ этотъ оселъ подниметъ глаза вверхъ и скажетъ: «Ой, Гендельманъ. Минѣ не наравится поведеніе Германіи въ Алжезираскомъ вопросѣ..» А я ему: «Моня! Вы удивительный человѣкъ: гдѣ двѣ державы воюютъ — вы обязательно въ середку влѣзете. Бросьте!» «А я вамъ, Гендельманъ, говорю, что Гер-

манія еще меня вспомнитъ!» И что же вы думаете? Почти своего добился...

— То есть, какъ?

— Неужели вы не читали въ газетѣ? Подержите чемоданчикъ, у меня есть въ карманѣ. О! Вотъ... Это я одну старую газетку храню на память... «Составъ совѣтской миссіи въ Польшѣ: совѣтникъ посольства Леонидъ Оболенскій, первый секретарь Лоренсъ, атташе Канторовичъ»... Какъ вамъ это понравится: Монька Канторовичъ — атташе посольства!?.

— А почему бы и нѣтъ? — улыбнулся я.

— Канторовичъ — атташе? Бросьте. Ну, представьте вы себѣ дипломатическій пріемъ во дворцѣ... Швейцаръ докладываетъ: «Лордъ Реджинальдъ Грей, графъ Паулучіо, виконтъ Сенъ-Жерменъ, Монька Канторовичъ — прикажете принять?!» — «Дайте ему лучше по шеѣ. Это его тоже хорошо устроитъ».

— Однако вы на него очень нападаете... А, можетъ быть, у него есть дипломатическіе таланты?

— Уйдите вы! Дипломатическіе? Онъ такой дипломатъ, что когда профессоръ оперировалъ у него аппендицитъ и по ошибкѣ забылъ въ животѣ золотой портсигаръ, такъ потомъ сейчасъ же хватились, распороли, а тамъ только залоговая квитанція «Одесскаго городского ломбарда на золотой портсигаръ съ такими то иниціалами». Положимъ, для Чичерина какъ разъ подходящій помощникъ: жуликъ на жуликѣ и маравихеромъ погоняетъ.

— Охота вамъ волноваться? — примирительно сказалъ я.

— Что значитъ охота? Почему Канторовичи должны дѣлать гадости, а на Гендельманахъ должно стражаться? Вы думаете мнѣ простятъ «атташе Канторовича»? Гм.... «Прикажете принять: маркизъ делла Торрета, атташе Канторовичъ, графъ де Бюсси, Яша Цигельширчикъ, герцогиня де Роганъ, Розочка Шмерковичъ»... Я васъ спрашиваю, почему мы теперь должны на глаза лѣзть всѣмъ — вмѣстѣ съ Роганами и де-Бюсси. Я кто? Я Гендельманъ. Такъ я сижу въ уголку и такъ сижу, что меня ни одна собака не услышитъ. А атташе? Хорошее названіе, которое носитъ одинъ Канторовичъ, а въ печонкахъ сидѣть оно будетъ у всего еврейскаго народа.

Контроль надъ производствомъ

Одинъ изъ краеугольныхъ камней грядущаго рая на землѣ — Третьяго Интернаціонала, это:

— Контроль надъ производствомъ.

Твердо знаю, во что эта штука выльется.

* * *

Писатель только что усѣлся за письменный столъ, какъ ему доложили:

— Рабочіе какіе-то пришли.

— Пусть войдутъ. Что вамъ угодно, господа?

— Такъ что мы рабочій контроль надъ производствомъ. Выборные.

— Контроль? Надъ какимъ производствомъ?

— Надъ вашимъ.

— Какое же у меня производство? Я пишу разсказы, фельетоны... Это контролю не поддается.

— Всѣ вы такъ говорите! Мы выборные отъ типографіи и артели газетчиковъ, и мы будемъ контролировать ваше производство.

— Виноватъ... Какъ же вы будете осуществлять контроль?

— Очень просто. Вотъ мы усаживаемся около васъ, и... вы, собственно, что будете писать?

— Еще не знаю: темы нѣтъ.

— А вы придумайте.

— Хорошо, когда вы уйдете — придумаю.

— Нѣтъ, вы эти старыя штуки оставьте! Придумывайте сейчасъ.

— Но не могу же я сосредоточиться, когда двѣ постороннихъ физіономіи...

— Простите, мы вовсе не постороннія физіономіи, а рабочій контроль надъ вашимъ производствомъ! Ну?..

— Что «ну»?

— Думайте скорѣй.

— Поймите же вы, что всякое творчество — такая интимная вещь...

— Вотъ этого интимнаго никакъ не должно быть! Все должно дѣлаться открыто, на виду и подъ контролемъ.

Писатель задумался.

— О чемъ же это вы призадумались, позвольте узнать?

— Не мѣшайте! Тему выдумываю.

— Ну, вотъ и хорошо. Только скорѣе думайте! Ну! придумали?

— Да что вы меня въ шею гоните.

— На то мы и контроль, чтобы время зря не пропадало. Ну, живѣй, живѣй!..

— Поймите вы, что не могу я такъ сосредоточиться, когда вы каждую секунду съ разговорами пристаете!

Рабочій контроль притихъ и принялся съ любопытствомъ разглядывать лицо призадумавшагося писателя.

А писатель въ это время теръ голову, почесывалъ у себя за ухомъ, крякалъ и, наконецъ, вскочилъ въ отчаяніи:

— Да поймите же вы, что нельзя думать, когда четыре глаза уставились на тебя, какъ баранъ на новыя ворота.

Рабочій контроль переглянулся.

— Замѣчаете, товарищъ? Форменный саботажъ! То ему не разговаривай, то не смотри на него, а то онъ еще, пожалуй, и дышать запретитъ! Небось, когда насъ не было — писалъ! Тогда можно было, а теперь нельзя? Подъ контролемъ-то небось трудно! Когда все на виду, безъ обману, — тогда и голова не работаетъ?!. Хорошо-съ!.. Такъ мы и доложимъ, куда слѣдуетъ!

Рабочій контроль всталъ и, оскорбленный до глубины души, топоча ногами, вышелъ.

Отъ автора:

Въ доброе старое время подобныя произведенія кончались такъ:

«...На этомъ мѣстѣ писатель проснулся, весь облитый холоднымъ потомъ».

Увы! Я кончить такъ не могу.

Потому что — хотя мы и обливаемся холоднымъ потомъ, но и на шестомъ году еще не проснулись.

Собачьи мемуары

43-го числа.

Если въ Петербургѣ кто сейчасъ и въ модѣ, — такъ это мы, собаки.

О насъ только и разговоръ, наше имя у всѣхъ на устахъ.

На каждомъ шагу слышимъ:

— Собачья жизнь! Въ квартирѣ собачій холодъ! Голоденъ, какъ собака! Собакѣ — собачья смерть!

А однажды я сама, своими ушами, слышала:

— Писатель Горькій стоитъ передъ совѣтской властью на заднихъ лапкахъ.

Такъ что отнынѣ я могу называть Горькаго коллегой: оба пишемъ, оба умѣемъ на заднихъ лапкахъ стоять.

* * *

53-го этого мѣсяца.

Не только мы, но и нашъ языкъ сталъ входить въ моду.

Одинъ человѣкъ шелъ по улицѣ и говоритъ другому:

— Вотъ пошелъ главъ кавъ армъ.

Услышавъ собачьи звуки, я вѣжливо отвѣтила: «гавъ, гавъ, арр!», но потомъ пріятельницы объяс-

нили мнѣ, что я ввязалась въ разговоръ совершенно неумѣстно. Люди разговаривали о главнокомандующемъ кавказской арміей.

* * *

0027- го числа.

Разговору о насъ много, а жрать нечего.

Мой хозяинъ раньше хоть корочку хлѣба швырялъ на полъ, а теперь я по цѣлымъ часамъ сижу противъ стола и все время такъ виляю хвостомъ, что онъ даже дѣлается горячій. Намекъ прозрачный, но хозяинъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ...

Хуже того, — вчера я нашла на заднемъ дворѣ баранью кость съ немножечкомъ мяса, приволокла домой и спрятала подъ комодъ до ужина.

Семья хозяина увидѣла это, всѣ бросились подъ комодъ, вынули кость и стали варить изъ нея супъ, а меня выгнали изъ дому, — я думаю, съ тайной надеждой, что я приволоку еще чего - нибудь

Ужасно какъ ѣсть хочется. Какъ собакѣ.

* * *

721-го числа.

Мы вошли въ такую моду, что вчера, напримѣръ, пріятельница по секрету сообщила мнѣ:

— Знаешь, говорятъ, у хлѣбныхъ лавокъ выросли хвосты.

— Длинные?

— Съ полверсты.

— Ого! Воображаю, сколько въ нихъ блохъ.

* * *

Число забыла.

Видѣла хвость хлѣбной лавки. Мало похожъ на нашъ. Правда, вертѣть имъ можно, какъ угодно, но и только.

— Зачѣмъ этотъ хвостъ? — спросила я мизерную собаченку, шнырявшую подлѣ.

— На хлѣбъ. Стань сзади и ты получишь хлѣбъ.

Неглупо. Вѣжливо встала сзади всѣхъ, — ждала, ждала, — вдругъ говорятъ:

— Хлѣбъ получитъ только первая половина хвоста! —

Хорошъ былъ бы мой хвостъ, если бы я одну его половину питала, а другую нѣтъ.

Расходясь, всѣ говорятъ:

— Собачья жизнь...

Пріятно, но не сытно.

* * *

Сегодняшнее.

Украла у мальчишки нищаго кусочекъ хлѣба, какъ дура, притащила домой, — опять хозяева отняли. Меня только погладили. (Подавитесь вы своимъ глаженьемъ), а маленькая дочка, глотая хлѣбъ, просила:

— Мама, отдай меня въ собаки!

* * *

Число собачье.

Отчаяніе и ужасъ! Я знаю, что всѣ собаки отвернутся отъ меня съ презрѣніемъ, но я больше не могу: Пойду на улицу просить милостыню! Мнѣ,

породистой собакѣ, протягивать лапу, стоять на заднихъ лапкахъ, какъ какому - нибудь Горькому!

Но... будь, что будетъ!

Чувствую, что вся покраснѣла отъ морды до кончика хвоста, когда, впервые въ жизни, пролаяла сакраментальныя слова:

— Подайте хлѣбца честной русской собакѣ!

И пошло съ тѣхъ поръ...

* * *

Число такое то.

Мое мѣсто на углу Невскаго и Владимірскаго— оказалось настолько интереснымъ и доходнымъ, что уже двѣ собаки предлагаютъ купить его за бараній черепъ и половину дохлой крысы...

Уже почти всѣ собаки клянчатъ по угламъ милостыню.

Развратила насъ коммуна.

Тайна графа Пурсоньяка

(à la совдепъ)

Въ одномъ изъ московскихъ кинематографовъ показываютъ картину: «Тайна графа Пурсоньяка».

Еще до начала сеанса въ кинематографъ набивается масса скучающей, угрюмой, полуголодной публики.

Топаютъ ногами, какъ косякъ лошадей, нетерпѣливо дожидаясь той минуты, когда можно будетъ, забывъ окружающую прозу — съ головой окунуться въ сладкій одуряющій міръ волшебной грезы, красоты и чарующаго вымысла.

Электричество гаснетъ.

Темнота.

Чей то голосъ, спотыкаясь на длинныхъ словахъ, громко читаетъ надпись на экранѣ:

— «Тайна графа Пурсоньяка или отцвѣли ужъ давно хризантемы въ саду»... «Графъ Пурсоньякъ потерялъ свою жену черезъ два года послѣ свадьбы».

— Вишь ты, — раздается въ темнотѣ сочувственный голосъ. — Отчего же это она такъ скоро скапустилась?

Другой, тоже невидимый, отвѣчаетъ:

— Мало ли? Сынячокъ или просто сосѣди на мушку взяли... «Послѣ жены у графа осталась

дочь, которую убитый горемъ отецъ отвезъ учиться въ монастырь».

— Вотъ тебѣ!.. и отецъ, оказывается, убитый! Не повезло семейкѣ...

— Дубина! Нешто это совсѣмъ убитый? Сказано тебѣ: убитый горемъ. Значитъ, не до конца. А только почему это онъ дочку учиться сдалъ въ монастырь? Нешто въ монастыряхъ учатъ?

— И очень просто: монастырь реквизировали, монаховъ по шеямъ, а замѣсто этого —школа! Штука простая. А это что? «Когда дочь выросла, графъ поѣхалъ, чтобы взять ее изъ монастыря»...

— Ахъ ты, чтобъ тебя... Графъ то, товарищи, оказывается, комиссаръ!

— Тю на тебя! Откеда высосалъ?

— На автомобилѣ жъ ѣдетъ, Господи! «Въ лѣсу онъ встрѣчаетъ дочь дровосѣка, Генріэтту»... Во, братцы, лѣсу то сколько, видали? Всю Москву обтопить можно! Хи, хи... Объ чемъ это онъ съ ней?

— Видимое дѣло, объ дровахъ... не можетъ ли, дескать, вашъ папаша намъ возика два дровъ предоставить... Гляди, гляди — душить ее. Ай да, графъ!

— Дурень ты не нашего Бога, — гдѣ душитъ? Обнимаетъ онъ ее, а не душитъ...

— Ахъ ты-жъ, имперлистъ проклятый! туда же!.. Хи-хи... До слезъ дѣвку довелъ. А это чего? «Въ это время бѣдный дровосѣкъ сидѣлъ за своимъ скромнымъ ужиномъ»... Чего это онъ?.. Ахъ, чтобъ тебя переѣхало! Ей Богу, винище трескаетъ и сыромъ заѣдаетъ! Вотъ те и скромный! А съ боку говядина и булка. Ай да, скромный!! Картинка то

французская? Ну и брехло жъ эти французы. Дровосѣкъ, а? Хорошъ дровосѣкъ!

— А гдѣ жъ жена евонная?

— Надо полагать, въ очереди стоитъ.

— И то. Этакое брюхо набить — въ десяти очередяхъ настоишься. Ага! Ружье со стѣны снимаетъ... Ну, теперь — баста! Сейчасъ это графа къ стѣнкѣ...

— Гдѣ жъ ты въ лѣсу стѣнку найдешь?

— Ну такъ, можетъ, заборчикъ какой...

— Именно вотъ. Для тебя, дурака, построили.

— Мнѣ не требовается.

— А не требовается, такъ и не лѣзь со своимъ заборчикомъ! Не знешь ты французскаго поведенія, такъ и молчи. У нихъ первое дѣло: «Позвольте васъ пригласить, мусью, на дуэль»... — «Благодарю васъ, хоша я и не стрѣляю, ну да ужъ только для васъ!» А ты — со своимъ заборомъ; деревня!

— Нѣтъ, братцы, тутъ другое... Ишь ты: «Заблудившись въ лѣсу, на графа нападаетъ волкъ, но дровосѣкъ убиваетъ волка. Первый горячо благодаритъ второго».

— А что, товарищи, волковъ ѣдятъ?

— Отчего жъ... Та же собака, только форматъ побольше..

— Да что жъ это они отъ волка уходятъ, даже не оглянувшись. Эй, товарищи! Съѣстное забыли!

— Чего кричишь, дура! Думаешь, услышатъ?

— Ты-бъ ему по французскому крикнулъ, можетъ, и обернется...

— «Часть вторая. Пріѣхавъ въ городъ, ничего не подозрѣвающій отецъ заходитъ въ магазинъ»...

— Это чего жъ такое?! Ахъ, что бъ ты провалился! Вѣдь это онъ, товарищи, мануфактуру покупаетъ.

— И безъ очереди.

— Безъ ордера отъ совнархоза!!

— Да, можетъ, онъ самъ ее и реквизируетъ!..

— Дровосѣкъ то?

— А дровосѣкъ не можетъ быть комиссаромъ?

... А въ это время старый фермеръ, крестный Генріэтты, сидя у себя въ саду, попивалъ вино»... Экъ, ихъ распьянствовало!.. Всѣ тянутъ! Интересно, откуда этотъ старый чортъ вина досталъ?

— Самогонъ, я думаю.

— Темный то? Орясина! Самое настоящее красненькое.

— Ну, значитъ, реквизировалъ. Тоже, поди, комисаръ!

— Да ну васъ всѣхъ къ чертямъ. И графъ у нихъ комиссаръ, и дровосѣкъ комиссаръ, и фермеръ комиссаръ... Свои надоѣли такъ, что въ собаку плюнешь, въ комиссара попадешь — дѣваться некуда! Пойдемъ, ребята!.

* * *

При выходѣ.

— А что, товарищи, смотрѣли вы картинку? Стоющая?..

— Не особо чтобы. Дѣло, видите ли, въ томъ, что у комиссара жена отъ сыпняка кончилась, а онъ, осерчамши, всѣхъ монаховъ изъ монастыря повыкидалъ, да дочку туда и втисни. Реквизировалъ

автомобиль да и давай по дровосѣковымъ дочкамъ ѣздить. Не стерпѣлъ этого ейный папенька, уложилъ съѣдобнаго волка и реквизировалъ всю мануфактуру, какъ говорится: завей горе веревочкой! Только всего и видѣли!

Теорія Эйнштейна и теорія Ползункова

Дѣло происходило въ полуразвалившейся избушкѣ одного изъ оазисовъ дикой Совдепіи...

Туземцы, одѣтые въ звѣриныя шкуры и въ башмаки изъ невыдѣланной кожи дохлой лошади, обступили туземца, одѣтаго довольно прилично и только что вернувшагося изъ служебной командировки въ Европу. Изступленное любопытство было написано на всѣхъ лицахъ...

— Ну, что? Ну, какъ тамъ? Есть что новаго? Привезли что-нибудь свѣженькое?

— Да, да, — глубокомысленно кивнулъ головой пріѣхавшій. — Есть масса любопытнаго. Вы вѣдь совсѣмъ дикарями сдѣлались, отъ Европы отстали, а тамъ жизнь бьетъ ключемъ.

— То есть, кого бьетъ? — испуганно поежился скелетовидный совдепецъ.

— Никого. Сама по себѣ. Ахъ, какія открытія! Какія изобрѣтенія! Слышали вы, напримѣръ, объ открытіи Штейнаха и о теоріи Эйнштейна?..

— Гдѣ ужъ намъ!

— То-то и оно. Плѣсенью вы тутъ покрылись. Есть такой нѣмецъ, — Штейнахъ, — и открылъ онъ, что всякаго человѣка можно обмолодить какъ угодно. Скажемъ, сколько тебѣ лѣтъ? 50? Пожалуйте,

— вамъ уже 25 лѣтъ! Вамъ, молодой человѣкъ, 80? Чикъ, чикъ ножичкомъ, — извольте получить, — вамъ уже 18 лѣтъ...

— Да какъ же онъ это дѣлаетъ, нѣмецкая морда?

— А очень просто: железы старикамъ вырѣзываетъ.

— Которыя железы?

— А чортъ его знаетъ. Ему ужъ это виднѣй.

— Какъ же онъ дошелъ до этого?

— Ну, какъ обыкновенно ученые доходятъ: взялъ человѣка, вырѣзалъ ему железу, а тотъ — глядь — поглядь, — глаза закатилъ да и померъ. «Давайте другого, кричитъ Штейнахъ, не туда ножикомъ заѣхалъ». Пожалуйте вамъ другого. Рѣзанулъ другого, по другой железѣ, — икать сталъ старичекъ. Опять не туда! «Третьяго давайте!» На восьмомъ, не то на девятомъ дошелъ до настоящей железы.

— То есть, какъ дошелъ?

— А вотъ этакъ: вырѣзалъ онъ старичку одному железу, а тотъ какъ вскочи, да сестру милосердія за талію: барышня, пойдемъ мазурку танцовать. «Матчишъ, — испанскій танецъ, шальной и жгучій!...» Мнѣ, говоритъ, теперь двадцать лѣтъ, и я хочу безумствъ! Вырвался изъ рукъ и пошелъ по всей палатѣ козла выкидывать. Ну, конечно, кое какъ успокоили и въ среднее учебное заведеніе опредѣлили!

— До того обмолодился?

— До того. Но, конечно, еще болѣе заковыристая штука, — теорія Эйнштейна. Я читалъ, — прямо

за животики брался. И вѣдь все вѣрно, все вѣрно, не уколупнешь!

— Онъ, что же, скажите: тоже насчетъ старости?

— Нѣтъ, почище будетъ; всю геометрію распотрошилъ! Всю математику къ чертямъ собачьимъ размоталъ.

— А именно-съ?

— Помилуйте! «Вы, кричитъ, говорите тутъ, что между двумя точками прямая линія самая короткая, а я вамъ говорю, что это брехня! Можетъ, кривая линія короче прямой!» Начинаетъ доказывать — и вѣрно! Кривая короче прямой. «Вы, кричитъ, говорите, что геометрическая линія не имѣетъ толщины, анъ нѣтъ! Имѣетъ она толщину!» Ученые глядь-поглядь, — дѣйствительно имѣетъ. «Какой оселъ сказалъ вамъ, что параллельныя линіи, сколько бы мы ихъ не продолжали, — не сойдутся?!» Ученые, дѣйствительно, попробовали, построили параллельныя линіи — и что же! На шестисотомъ километрѣ сошлись! «Я, говоритъ, вамъ все докажу! По вашему дважды девять — восемнадцать, а по моему, можетъ, двадцать девять». Очень строгій мужчина! Такого накрутилъ, что теперича все заново нужно передѣлывать, — и математику, и геометрію, и геодезію всякую!

— Виноватъ, какъ, вы говорите, это называется?

— Чего-съ? Это? Теорія Эйнштейна.

— Такъ-съ. Слушали мы васъ, слушали, а теперь вы насъ послушайте! У васъ теорія Эйнштейна, а у насъ теорія Ползункова. Изволили знать Ивана Егорыча Ползункова?

— Нѣтъ-съ, не знаю.

— То-то и оно. Мы, правда, отъ Европы отстали, но и Европа-матушка отъ насъ отстала — корпусовъ на двадцать!

— Былъ, изволите видѣть, у насъ такой человѣкъ, Иванъ Егорычъ Ползунковъ, по бывшему его мѣстоположенію — учитель географіи въ уѣздномъ училищѣ, а по нынѣшнему, — при рубкѣ дровъ состояли, саночки на себѣ возили... И додумался этотъ русскій Эйнштейнъ до такой теоріи: «Ребята, говоритъ онъ. Ѣсть намъ окончательно нечего, а ѣсть надо. Шишекъ же еловыхъ и сосновыхъ въ лѣсу сколько угодно. Африканскія обезьяны ихъ очень обожаютъ. Если вы ихъ сразу начнете жрать, то всѣ передохнете въ одночасье... То есть, не обезьянъ жрать, а шишки. Наука же говоритъ, что постепенно можно пріучить свой организмъ къ чему угодно. И дѣлайте, говоритъ онъ, вы такъ: выдается вамъ хлѣба въ день 24 золотника, а вы съѣшьте 23 золотника и одну еловую шишку; на другой день введите внутрь организма 22 золотника хлѣба и 2 еловыхъ шишки, потомъ 21 золотникъ и 3 шишки. Черезъ 24 дня уже хлѣбъ вамъ не нуженъ, — его вытѣснитъ порціонъ въ 24 еловыхъ шишки, что и требовалось доказать. Такъ же и насчетъ одежды. Скоро, говоритъ, у васъ ея совсѣмъ не будетъ, и вы обмерзнете, какъ какіе-нибудь дураки! А поэтому надо завести постепенно собственную шерсть. Я, говоритъ, братцы, читалъ въ «Смѣси», что если лысый человѣкъ сидитъ въ холодномъ помѣщеніи безъ шапки, то у него на головѣ очень просто начинаютъ расти волоса. Вотъ, по этой, значитъ, теоріи Ползун-

кова и нужно постепенно пріобрѣтать волосяной покровъ, вродѣ собачьяго мѣха. Срѣжьте одинъ рукавъ на рукѣ, выставьте ее гольемъ на холодъ, — она черезъ мѣсяцъ обрастетъ и ей будетъ тепло; срѣжьте другой рукавъ, обрѣжьте лѣвую штанину, потомъ правую, на спинѣ кусъ вырѣжьте, — да черезъ полгода васъ родная мать не узнаетъ: что это, молъ, за горилла, — здравствуйте вамъ, — по лѣсу ходитъ, еловыя шишки запросто жуетъ?! Вотъ оно какъ, товарищъ пріѣзжій изъ Европы!

— Вы, собственно, что же этимъ хотите сказать?

— А то-съ. У васъ тамъ теорія Эйнштейна, а у насъ теорія Ползункова! И нашъ Ползунковъ всегда вашего Эйнштейна крыть можетъ, и некуда нѣмцу будетъ отъ Ползунковскихъ козырей дѣваться, потому ихняя кишка, супротивъ нашей, — дюже тонка-съ!!.

Улитки

Голое, непривѣтливое, холодное поле... И по немъ расползлись во всѣ стороны сотни тысячъ, милліоны улитокъ.

Ползетъ этакая маленькая беззащитная штучка, таща на своей спинѣ хрупкій, прихотливо завивающійся спиралью домикъ, вдругъ услышала шумъ, втянула внутрь свои рожки, втянулась вся — и нѣтъ какъ будто ея.

А по полю шагаютъ, тяжело ступая, чьи-то огромныя ноги въ корявыхъ, подбитыхъ желѣзомъ и мѣдью, сапожищахъ.

Ступилъ сапогъ разъ — сотни улитокъ нѣтъ, ступилъ сапогъ другой разъ — двухъ сотенъ нѣтъ...

Вмѣсто прехорошенькаго домика, вмѣсто хрупкаго клейкаго тѣльца, — безформенная слизь, перемѣшанная съ мелкими осколками.

* * *

Вся наша Россія распалась на два лагеря: на лагерь улитокъ, ползущихъ куда-то въ невѣдомую даль съ крохотнымъ домикомъ на спинѣ...

И на лагерь огромнаго, коряваго, подбитаго желѣзомъ и мѣдью сапога, шагающаго по улиткамъ,

стремящагося тоже чортъ его знаетъ куда, чортъ его знаетъ за чѣмъ.

Встрѣтилъ я на севастопольской улицѣ одну знакомую Улиточку со своимъ домикомъ-чемоданомъ на спинѣ, приползшую сюда изъ Одессы. (Это было какъ разъ въ дни недоброй памяти одесской эвакуаціи — начало февраля). Она буквально ползла пѣшкомъ съ пристани, изрѣдка останавливаясь, спуская свой домикъ-чемоданъ на землю и тяжело дыша.

— Здравствуйте, Улиточка, — привѣтствовалъ я. — Откуда ползете?

— Изъ Одессы. Позавчера выѣхали.

— Ого! Быстро же вы двигаетесь. Вотъ ужъ нельзя сказать: Улита ѣдетъ, когда-то будетъ.

— Да, — засмѣялась она. Мы, одесскія улитки, — молніеносныя улитки: разъ, два и готово!

— Именно что готово. Ловко распорядились. А теперь куда ползете?

— Въ гостиницу. Номеръ искать.

— Трудновато будетъ. Хотя за послѣдніе дни часть улитокъ и уползла за границу, но теперь эта ваша одесская эвакуація всѣ щели забила. Многіе ваши одесситы на улицѣ будутъ.

— Ну, что жъ дѣлать, — вздохнула Улитка. — Какъ эвакуокнется, такъ и откликнется.

— Зачѣмъ вы Одессу сдали? — съ любопытствомъ освѣдомился я.

— Да кто ее тамъ сдавалъ! Сама сдалась. Такой странный городъ. Ну-съ, пополземъ.

* * *

— Къ общему удивленію—моему, улиткиному и швейцарову—номеръ Улитка нашла.

— Вотъ это такой номеръ? — вползла Улитка въ домикъ, немного большій, чѣмъ ея домикъ-чемоданъ.

— Да-съ, — увѣренно сказалъ швейцаръ. — Такой номеръ.

— Странный номеръ.

— Такъ точно. Многіе удивляются.

— Постельное бѣлье можно?

— Чего-о?

— Постельное бѣлье!

— Первый разъ слышу, — удивился швейцаръ.

— Ну, самоваръ.

— Еще чего захотите!

— И ужина нельзя получить?

— Да что вы, мадамъ! Это вѣдь — гостиница, а не дворецъ командующаго.

Улитка раскрыла свой чемоданъ и, роясь въ немъ, дѣловито спросила меня:

— Чаю хотите?

— Да вѣдь нѣтъ чаю.

— Я устрою. Съѣсть чего-нибудь горяченькаго хотите?

— Издѣваетесь!

— Вотъ увидите.

Дальнѣйшее показалось мнѣ волшебнымъ сномъ, сказочной иллюстраціей того, до чего можетъ приспособиться улитка въ своей ползучей жизни.

Она вынула изъ чемодана чайникъ; она вынула изъ чемодана спиртовую машинку; она вынула изъ

чемодана маленькую сковородку, яйца, сало, ветчину и хлѣбъ, она вынула сахаръ и конфекты.

— Ну, вотъ, — весело пискнула Улитка. — Пока вода закипитъ, я разложу вещи.

— Бѣдная вы, бѣдная, — пробормоталъ я сквозь слезы. — А помню я вашу жизнь въ Петербургѣ. Была у васъ квартира съ большой, теплой кухней, стѣны которой увѣшаны мѣдной, ярко вычищенной посудой; была въ квартирѣ гостиная, спальня, столовая и кабинетъ.

— Да у меня все это и есть, — серьезно возразила она. — Вотъ въ этомъ чемоданѣ. Поглядите-ка.

Вынула пледъ, купальный халатъ и крошечную подушечку.

Разостлала на голомъ тюфякѣ.

— Спальня!

Положила на убогій письменный столъ коробку почтовой бумаги и вѣчное перо.

— Кабинетъ!

Поставила около — карточки мужа и матери:

— Портретная галлерея!

Разложила на кругломъ столикѣ двѣ вилки и одинъ ножъ. Поставила бутылку вина, двѣ тарелки, стаканъ:

— Столовая!

Сняла съ машинки чайникъ, поставила сковородку:

— Кухня! Видите, какъ просто? А все остальное, что не кухня, не спальня и не кабинетъ, все это — гостиная! Садитесь, будете гостемъ. Ахъ, я забыла самое главное! Ванную комнату. Отверни-

тесь минутъ на пять: я приму ванну и переодѣнусь.

У нея въ чемоданѣ оказалось все: резиновый складной тазикъ, губка, мыло, маникюрный приборъ.

— А рояля у васъ тамъ нѣтъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — сказала Улитка, беззастѣнчиво растегивая на кофточкѣ кнопки. — Но ноты есть. Вожу съ собою на случай, если гдѣ есть рояль. Не смотрите на меня!

Въ дверь постучали.

— Ахъ, Ты, Господи! Ну, кто тамъ еще?! Войдите!

Вошелъ. Одинъ.

— Будьте любезны очистить номеръ, онъ реквизированъ. Сударыня, даю вамъ сроку десять минутъ. Довольно?

— Много даже. Долго ли умѣючи!

И тутъ же на моихъ глазахъ Улитка снова стала вползать въ свою раковину-чемоданъ: уложила спальню, столовую, кабинетъ, погасила кухню, уложила кладовую, винный погребъ, оглядѣла номеръ опытнымъ глазомъ, вздохнула и сказала:

— Пойдемъ, что ли.

Поползли мы. Въ концѣ коридора у окна остановились.

— Вотъ отсюда, можетъ быть, не сгонятъ. И диванчикъ даже есть. Замѣчательно! Тутъ до завтра и устроюсь. Садитесь, будьте гостемъ. Хотите чайку, закусить? А? Все доступно, кромѣ ванной и кабинета.

* * *

Сѣли рядомъ на диванчикъ, долго смотрѣли въ окно на крышу противоположнаго дома, освѣщенную свѣтомъ невидимой лампы.

— А знаете, — вдругъ сказала съ легкимъ вздохомъ Улитка. — Не люблю я чивой-то большевиковъ.

— Да что вы! Съ чего же это вы такъ?

— Такъ... Все изъ-за нихъ. Ползаемъ мы, бѣдныя улитки, ползаемъ — и когда этому будетъ конецъ, неизвѣстно.

— Послушайте, — шепнулъ я ей на ухо. — А вдругъ завтра.

— Что... завтра?

— Представьте себѣ: въ Петербургѣ возстаніе изголодавшихся, полузамерзшихъ рабочихъ. Узнавъ о Петербургѣ — возстаетъ Москва! Возстаніе — все шире, все грознѣе... Латыши и китайцы разстрѣливаются освирѣпѣвшей толпой тысячами, комиссары въ паникѣ скрываются. Троцкаго его же бывшіе помощники вѣшаютъ на фонарѣ; Ленинъ, узнавъ объ этой веселой суматохѣ, стрѣляется самъ, красный фронтъ ломается, таетъ, — и вотъ уже все побѣжало, помчалось въ слѣпой паникѣ. Развѣ это не можетъ быть?! Мракъ для всего краснаго. Конецъ! И вотъ начинается новая русская жизнь: стучатъ топоры, молотки, не тѣ, которые забивали гвозди въ гробъ, а другіе — строющіе новыя зданія, желѣзнодорожные пути, вокзалы; идутъ пароходы, свистятъ поѣзда, звонъ, шумъ, трепетъ, веселый перекликъ и теплое, роскошное солнце...

На крышу, по которой мечтательно блуждали наши глаза, вышелъ молодой котъ...

Онъ сладострастно потянулся всѣми четырьмя лапами и призывно мяукнулъ:

— Мя—я я я у—у...

Подождалъ. Нѣтъ отвѣта.

Онъ снова. Еще сладострастнѣе, еще призывнѣе:

— М я я я я—у—у—у!..

И вдругъ изъ-за трубы показался другой котъ, старый, худой, съ мудро-скептической мордой.

Покосился на перваго кота и спросилъ раздражительно на своемъ кошачьемъ языкѣ:

— М я я—у! Чего ты тутъ разорался? Чего, вообще, полѣзъ на крышу?

Молодой слегка сконфузился:

— Да вѣдь какъ же, дяденька... мартъ!

— Гдѣ мартъ? Который?

— Да вотъ этотъ... Сегодня.

— А ты въ календарь смотрѣлъ?

— Гдѣ тамъ! У моего хозяина не то что календаря — мышеловки нѣту!

— Что-жъ ты, каналья, не поглядѣвъ въ святцы, бухъ на крышу! Гдѣ ты мартъ нашелъ?.. Февраль только начали, а онъ — накося! Размяукался...

Старый котъ сердито сверкнулъ глазами и ушелъ снова за трубу.

Молодой сконфуженно-недоумѣвающе пожалъ плечами, почесалъ лапой за ухомъ и, пробормотавъ: «да, это я, кажется, тово... рановато» — сталъ спускаться внизъ по желобу.

И все-таки въ разбитое окно тянуло уже не рѣзкимъ зимнимъ вѣтромъ, а теплымъ, предвесеннимъ,

еле слышный ароматъ котораго могло почувствовать только молодое, изощренное обоняніе.

И даже какъ будто капля теплаго дождя упала мнѣ на руку...

Плакала Улитка.

Мурка

Нѣсколько времени тому назадъ во всѣхъ газетахъ была напечатана статья совѣтскаго знатока по финансамъ т. Ларина — о томъ, что въ Москвѣ на милліонъ жителей приходится около 120.000 совѣтскихъ барышень, служащихъ въ совѣтскихъ учрежденіяхъ, а среди массы этихъ учрежденій есть одно — подъ названіемъ «Мурка»...

— «Что это за учрежденіе и что оно обслуживаетъ, — признается откровенно Ларинъ, — я такъ и не могъ ни у кого добиться...»

* * *

Есть въ Москвѣ Мурка, а что такое Мурка — и самъ Ларинъ не знаетъ.

А я недавно узналъ. Одинъ бѣженецъ изъ Москвы сжалился надъ моимъ мучительнымъ недоумѣніемъ и объяснилъ мнѣ все.

— Что же такое, наконецъ, Мурка? — спросилъ я со стономъ. — Спать она не даетъ мнѣ, проклятая!

— Ахъ, Мурка?! Можете представить, никто этого не знаетъ, а я знаю. И совершенно случайно узналъ...

— Не тяните! Что есть — Мурка?!

— Мурка? Это Мурашовская комиссія. Сокращенно.

— А что такое — Мурашовъ?

— Мой дядя.

— А кто вашъ дядя?

— Судебный слѣдователь.

— А какая это комиссія?

— Комиссія названа по имени дяди. Онъ былъ предсѣдателемъ комиссіи по разслѣдованію хищеній на Курскомъ вокзалѣ.

— Разслѣдовалъ?

— Не успѣлъ. На половинѣ разслѣдованія его разстрѣляли по обвиненію въ сношеніяхъ съ Антантой.

— А Мурка?

— Чего Мурка?

— Почему Мурка осталась?

— Мурка осталась потому, что тогда еще дѣло не было закончено. Потомъ оно закончилось нѣсколько неожиданно: всѣхъ заподозрѣнныхъ въ хищеніи разстрѣляли по подозрѣнію въ организаціи покушенія на Володарскаго.

— А Мурка?

— А Мурка существуетъ.

— Я не понимаю — что жъ она дѣлаетъ, если и родоначальника ея разстрѣляли? . .

— Теперь Мурка окрѣпла и живетъ самостоятельно. Здоровая сдѣлалась — поперекъ себя шире.

— Я васъ не понимаю.

—Видите ли: когда моего дядю Мурашова назначили на разслѣдованіе, онъ сказалъ, что ему нуженъ секретарь. Дали. Жили они себѣ вдвоемъ, по-

живали, вели слѣдствіе, — вдругъ секретарь говоритъ: нужна мнѣ машинистка. Нужна тебѣ машинистка? На тебѣ машинистку. Машинистка говоритъ: безъ сторожа нельзя. На тебѣ сторожа. Взяли сторожа. А дядя мой предобрый былъ. Одна дама проситъ: возьмите дочку—пусть у васъ бумаги подшиваетъ — совсѣмъ ей ѣсть нечего. Взяли дочку. И стала Мурка расти, пухнуть и раздвигаться влѣво, вправо, вверхъ, внизъ, вкривь и вкось...

Однажды захожу я, — вижу, — Муркой весь домъ занятъ... Всюду на дверяхъ дощечки. «Продовольственный отдѣлъ», «Просвѣтительный отдѣлъ»...

— Позвольте... Неужели Мурка сама кормила и просвѣщала этихъ вокзальныхъ хищниковъ?!

— Что вы? Ихъ къ тому времени уже разстрѣляли... Для себя Мурка завела и продовольственный, и просвѣтительный отдѣлъ, и топливный... къ тому времени уже служило въ Муркѣ около 70 барышень, а когда для этой оравы понадобились всѣ эти отдѣлы — пригласили въ каждый отдѣлъ новый штатъ — и число служащихъ, вмѣстѣ съ транспортнымъ и библіотечнымъ — возросло до 124.

— Что жъ... всѣ они такъ и сидѣли, сложа руки?

— Почему?

— Да вѣдь и дядю разстрѣляли и вокзальныхъ воровъ разстрѣляли... Вѣдь Муркѣ, значитъ, уже нечего было дѣлать?

— Какъ нечего? Что вы! Цѣлый день работа кипѣла, сотни людей носились съ бумагами вверхъ и внизъ, телефонъ звенѣлъ, пишущія машинки щелкали... Не забывайте, что къ тому времени всякій

отдѣлъ обслуживаю уже около полутораста служащихъ въ Муркѣ.

— А Мурка кого облуживала?

— Служащихъ.

— Значитъ, Мурка обслуживала служащихъ, а служащіе Мурку?

— Ну, конечно. И всѣ были сыты.

— А не приходило когда-нибудь начальству въ голову выяснить: на кой чортъ нужна эта Мурка и чѣмъ она занимается?

— Приходило. Явился одинъ такой хватъ изъ ревизоровъ, спрашиваетъ: «Что это за учрежденіе?» Ему барышня резонно отвѣчаетъ: «Мурка». — «А что это такое — Мурка?». — Та, еще резоннѣе: «А чортъ его знаетъ. Я всего семь мѣсяцевъ служу. Всѣ говорятъ — Мурка, и я говорю — Мурка!» — «Ну, вотъ, напримѣръ, что вы лично дѣлаете?» — «Я? Въ отпускномъ отдѣлѣ». —«Какіе же вы товары отпускаете?» — «Не товары, а служащихъ въ отпускъ. Регулирую отпуски». — «И для этого цѣлый отдѣлъ?!» — «Помилуйте, у насъ до 300 человѣкъ служащихъ!?» — «А это что за комната?» — «Продовольственный отдѣлъ. Служащихъ кормимъ». — «А это рядъ комнатъ?» — «Топливный, просвѣтительный, агитаціонный, кульминаціонный, — работы по горло». — «И все для служащихъ?» —«А какъ же! У насъ ихъ съ будущаго мѣсяца будетъ около 500. Прямо не успѣваешь». — «Такъ, значитъ, такъ-таки и не знаете, что такое Мурка?» — «Аллахъ его вѣдаетъ. Былъ тутъ у насъ секретарь, сторожилъ, — тотъ, говорятъ, зналъ, — да его еще въ прошломъ

году за сношеніе якобы съ Деникинымъ по вѣтру пустили».

— «Ну, а вы сами какъ лично думаете, что значитъ: «Мурка?»—«Гм... Разное можно думать. Можетъ быть — морская канализація?» — «Ну, что вы? Тогда была бы Морка или Мурская канализація.... И потомъ, какая канализація можетъ быть на морѣ?» — Постоялъ еще, постоялъ, плюнулъ, надѣлъ шапку и ушелъ. И до сихъ поръ Мурка растетъ, ширится. Говорятъ, скоро подъ Сестрорѣцкомъ двѣ колоніи открываетъ: для служащихъ инвалидовъ и для дѣтей служащихъ.

Помолчали мы.

— Вы помните, — спросилъ я, пѣсенку «Мурочка-Манюрочка?»

— Еще бы. Сабининъ пѣлъ.

— Такъ вотъ тамъ есть слова:

Стала Мурка — содержанка
Заправилы банка....

— Ну?

— Такъ разница въ томъ, что заправила банка содержалъ Мурку на свои деньги, а Совѣтская Россія содержитъ сотни Мурокъ — на народныя!....

Люди-братья

Ихъ было трое: бывшій шулеръ, бывшій артистъ императорскихъ театровъ, — знаменитый актеръ, — и третій-бывшій полицейскій приставъ 2-го участка Александро-Невской части.

Сначала было такъ: бывшій шулеръ сидѣлъ за столикомъ въ ресторанѣ на Приморскомъ бульварѣ и ѣлъ жареную кефаль, а актеръ и приставъ порознь бродили между публикой, занявшей всѣ столы, — и искали себѣ свободнаго мѣстечка. Наконецъ, бывшій приставъ не выдержалъ: подошелъ къ бывшему шулеру и,вѣжливо поклонившись, спросилъ:

— Не разрѣшите ли подсѣсть къ вашему столику? Вѣрите, ни одного свободнаго мѣста!

— Скажите! — сочувственно покачалъ головой бывшій шулеръ. — Сдѣлайте одолженіе, садитесь! Буду очень радъ. Только не заказывайте кефали: жестковата.

При этомъ бывшій шулеръ вздохнулъ: — Эхъ, какъ у Донона жарили судачковъ обернуаръ!

Лицо бывшаго пристава вдругъ озарилось тихой радостью.

— Позвольте! Да вы развѣ петербуржецъ?!

— Я то?.. Да вы знаете, мнѣ даже ваше лицо знакомо. Если не ошибаюсь, вы однажды составляли на меня протоколъ по поводу какого-то недоразумѣнія въ экономическомъ клубѣ?..

— Да Господи-жъ! Конечно. Знаете, я сейчасъ чуть не плачу отъ радости!.. Словно родного встрѣтилъ. Да позвольте васъ просто по русски...

Знаменитый актеръ, бывшій артистъ императорскихъ театровъ, увидѣвъ, что два человѣка цѣлуются, смѣло подошелъ и сказалъ:

— А не удѣлите ли вы и мнѣ мѣстечка за вашимъ столомъ?

— Вамъ?!. — радостно вскочилъ бывшій шулеръ. — Да вамъ самое почтеннѣйшее мѣсто надо уступить. Здравствуйте, Василій Николаевичъ!

— Виноватъ... Почему вы меня знаете? Вы развѣ петербуржецъ?

— Да какъ же, Господи! И господинъ бывшій приставъ петербуржецъ изъ Александро-Невской части, и я петербуржецъ изъ Экономическаго клуба, и вы.

— Позвольте... Мнѣ лицо ваше знакомо!!!

— Еще бы! По клубу же. Вы меня еще, — дѣло прошлое, — били сломанной спинкой отъ стула за яко-бы накладку.

— Стойте! — восторженно крикнулъ приставъ. — Да вѣдь я же по этому поводу и протоколъ составлялъ!!

— Ну, конечно! Вы меня еще выслали изъ столицы на два года безъ права въѣзда! Чудесныя времена были!

— Да вѣдь и я васъ, господинъ приставъ, припоминаю, — обрадовался актеръ. — Вы меня цѣлую ночь въ участкѣ продержали!!.

— А вы помните, за что? — засмѣялся приставъ.

— А чортъ его упомнитъ! Я, признаться, такъ часто попадалъ въ участки, что всѣ эти отдѣльные случаи слились въ одинъ яркій сверкающій кругъ.

— Вы тогда на пари раздѣлись голымъ и полѣзли на памятникъ Александра III на Знаменской площади.

— Господи! — простоналъ актеръ, схватившись за голову. — Слова то какія: Александръ III, участокъ, Знаменская площадь, Экономическій клубъ... А позвольте васъ, милые петербуржцы...

Всѣ трое обнялись и, сверкая слезинками на покраснѣвшихъ отъ волненія глазахъ, расцѣловались.

— О, Боже, Боже, — свѣсилъ голову на грудь бывшій шулеръ, — какія воспоминанія!.. Сколько было тогда веселой, чисто столичной, суматохи, когда вы меня били... Гдѣ то теперь спинка отъ стула, которой вы...? Я, чай, теперь отъ тѣхъ стульевъ и помина не осталось.

— Да, — вздохнулъ бывшій приставъ. — Все растащили, все погубили мерзавцы... А мой участокъ помните?

— Это второй-то? — усмѣхнулся актеръ. — Какъ отчій домъ помню: 18 ступенекъ въ 2 марша, длинный коридоръ, налѣво вашъ кабинетъ. Портретъ Государя висѣлъ. Вѣдь вотъ было такое время: вы полицейскій приставъ, я голый, пьяный ак-

теръ, снятый съ царскаго памятника, а вѣдь мы уважали другъ друга. Вы ко мнѣ вѣжливо, съ объясненіемъ... Помню, папироску мнѣ предложили и искренно огорчились, что я слабыхъ не курю...

— А помните шулера Афонькина? — спросилъ бывшій шулеръ. — Очень хорошій былъ человѣкъ.

— Помню, — какъ-же. Замѣчательный. Я вѣдь и его билъ тоже.

— Пресимпатичная личность. Въ карты, бывало, не садись играть, — звѣрь, а внѣ картъ — онъ тебѣ и особенный салатъ-Омаръ состряпаетъ, и «Сильву» на роялѣ изобразитъ, и наизусть Лермонтовскаго «Демона» продекламируетъ.

— Помню, — кивнулъ головой приставъ. — Я и его высылалъ. Его въ Приказчичьемъ сильно тогда подсвѣчниками обработали.

— Милые подсвѣчники, — прошепталъ лирически актеръ;—гдѣ то вы теперь?... Разворовали васъ новые вандалы! Вѣдь вотъ времена были: и электричество горѣло, а около играющихъ всегда подсвѣчники ставили.

— Традиція, — задумчиво сказалъ бывшій шулеръ, разглаживая шрамъ на лбу... — А позвольте, дорогіе друзья, почествовать васъ бутылочкой «Абрашки»... *)

Радостные, пили «Абрау». Пожимали другъ другу руки и любовно, безъ словъ, смотрѣли другъ другу въ глаза.

* * *

*) Шампанское «Абрау Дюрсо».

Передъ закрытіемъ ресторана бывшій шулеръ съ бывшимъ приставомъ выпили на «ты».

Они лежали другъ у друга въ объятіяхъ и плакали, а знаменитый актеръ простиралъ надъ ними руки и утѣшалъ:

— Петербуржцы! Не плáчьте! И для насъ когда-нибудь небо будетъ въ алмазахъ! И мы вернемся на свои мѣста!.. Ибо всѣ мы, вмѣстѣ взятые — тотъ ансамбль, безъ котораго немыслима живая жизнь!!.

Исторія двухъ чемодановъ

Въ уютной каютъ-кампаніи англійскаго броненосца, куда любезные англичане пригласили насъ, нѣсколькихъ русскихъ, на чашку чаю, — каминъ горѣлъ чрезвычайно привѣтливо...

Мы, — хозяева и гости, — сгрудились около него и, прихлебывая изъ стаканчиковъ старый хересъ, повели тихіе разговоры, вспоминая разныя курьезныя, смѣшныя и страшныя исторіи, случившіяся съ каждымъ изъ насъ.

— А то еще былъ фактъ... — началъ старый, видавшій виды, морякъ англичанинъ, отворачивая отъ красныхъ углей камина свое красное обвѣтренное лицо.

— Разскажите, разскажите!..

— А вы даете мнѣ честное слово, что повѣрите всему разсказанному?..

— Ого, какое странное предисловіе! Дѣйствительно, исторія обѣщаетъ быть изъ ряду вонъ выходящей... Но мы повѣримъ — даемъ слово!

— Эта исторія — одна изъ самыхъ таинственныхъ и страшныхъ въ моей жизни...

Семь лѣтъ тому назадъ я отправилъ изъ Дублина въ Лондонъ багажемъ чемоданъ со своими вещами... И что же!

— И что же?!

— Онъ до сихъ поръ не дошелъ до Лондона: пропалъ въ пути!

— Ну, ну?

— Что — «ну»?

— Гдѣ же ваша удивительная и странная исторія?

— Да вотъ она и есть вся. Понимаете: чемоданъ потерялся въ пути! Шуму эта исторія надѣлала страшнаго: кое-кто изъ низшаго желѣзнодорожнаго начальства слетѣлъ, высшее начальство рвало на себѣ волосы... Бумъ былъ огромный!

Видя, что мы, русскіе, не удивляемся, а сидимъ молча, понуривишись, старый морской волкъ, оглядѣвъ насъ удивленнымъ взглядомъ, осѣкся и замолчалъ.

— А то еще былъ фактъ... — началъ русскій, мой коллега по газетѣ, отличавшійся тѣмъ, что онъ все зналъ. — Англичане, можетъ быть, и повѣрятъ этой правдивой исторіи, а на счетъ русскихъ — «сумлѣваюсь штопъ»...

— Это — фактъ?

— Завѣряю честнымъ словомъ — фактъ! И случилась эта исторія съ однимъ бывшимъ министромъ. И потому, что это фактъ — фамиліи министра я не назову.

— Не тяните!

— Не тяну. Другой-бы тянулъ, а я нѣтъ. Не такой я человѣкъ, чтобы тянуть. Другой бы... Ой, вы кажется придавили мою ногу? Такъ вотъ: въ сентябрѣ 1918 года этотъ министръ, собираясь ѣхать въ Крымъ, уложилъ въ чемоданъ все, что было у

него цѣннаго: романовскія деньги, золото, брилліанты, мѣха, — по тому времени тысячъ на 60, а по нынѣшнему — трилліоновъ на 120. И отправилъ онъ сдуру этотъ чемоданъ по желѣзной дорогѣ до Севастополя — багажемъ.

— Неужели тоже пропалъ?—подскочилъ, какъ отъ электрическаго тока, старый морской волкъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что въ январѣ 1920 года чемоданъ дошелъ до мѣста въ цѣлости и сохранности. Понимаете, былъ Скоропадскій, его сверглъ Петлюра, потомъ были большевики, Махно, добровольцы, опять большевики, города горѣли, переходили изъ рукъ въ руки, вокзалы разрушались до основанія, багажъ на желѣзнодорожныхъ складахъ разворовывался почти до-чиста, чемоданы и корзины опоражнивались и набивались кирпичами, а министерскій чемоданъ все ползъ себѣ и ползъ, какъ трудолюбивый муравей, и черезъ полтора года таки доползъ до конечной станціи въ полной цѣлости и сохранности!.. Такъ вѣрите ли, когда эксъ-министръ въ присутствіи багажныхъ хранителей открылъ свой чемоданъ, — всѣ рвали на себѣ волосы... кое кто слетѣлъ даже съ мѣста! Багажный пріемщикъ на станціи Взломовка, когда узналъ, — на собственныхъ подтяжкахъ повѣсился, два багажныхъ грузчика запили мертвую... Вообще, бумъ — на весь югъ Россіи!

Эта исторія произвела на русскихъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы.

Англичане же остались совершенно покойны и только переводили свои недоумѣвающіе взоры съ одного изъ насъ на другого...

А мы, русскіе, смѣялись, смѣялись до слезъ.

И когда одна изъ моихъ слезъ капнула въ стаканчикъ съ англійскимъ хересомъ, — мнѣ показалось, что весь хересъ сдѣлался горько-соленымъ.

Хомутъ, натягиваемый клещами

(Московское)

Москвичъ кротко сидѣлъ дома и терпѣливо пилъ черемуховый чай съ лакрицей вмѣсто сахара, со жмыховой лепешкой, вмѣсто хлѣба, и съ вазелиномъ, вмѣсто масла.

Постучались.

Вошелъ оруженосецъ изъ комиссаріата.

— Такъ что, товарищъ, пожалуйте по наряду на митингъ. Ваша очередь слушать.

— Ишь ты, ловкій какой! Да я на прошлой недѣлѣ уже слушалъ!

— Ну, что жъ. А это новый нарядъ. Товарищъ Троцкій будетъ говорить рѣчь о задачахъ момента!

— Послушайте... ей-Богу, я уже знаю, что онъ скажетъ. Будетъ призывать еще годика два потерпѣть лишенія, будетъ всѣхъ звать на красный фронтъ противъ польской бѣлогвардейщины, противъ румынскихъ имперіалистовъ, будетъ обѣщать на будущей недѣлѣ міровую революцію... Зачѣмъ же мнѣ ходить, если я знаю?..

— Это меня не касаемо. А только приказано набрать 1640 штукъ, по числу мѣстъ, — я и набираю...

— Вотъ тутъ одинъ товарищъ рядомъ живетъ, — Егоровъ ему фамилія — кажется, онъ давно не былъ? Вы бы къ нему толкнулись.

— Нечего зря и толкаться. Вчера въ Че-ка забрали за пропускъ двухъ митинговъ. Такъ что жъ... Записывать васъ?

— У меня рука болитъ.

— Чай не дрова рубить! Сиди, какъ дуракъ, и слушай.

— Понимаете, — сыпь какая-то на ладони, боюсь застудить.

— Можете держать руку въ карманѣ.

— А какъ же аплодировать? Ежели не аплодировать, то за это самое...

— Хлопай себя здоровой рукой по затылку, — только всего и дѣла.

Хозяинъ помолчалъ. Потомъ будто вспомнилъ:

— А то еще въ сосѣднемъ флигелѣ живетъ одинъ такой: Пантелѣевъ. До чего любитъ эти самые митинги! Лучше бы вы его забрали. Лютъ до митинга! Какъ митингъ, — такъ его и дома не удержишь. Рвется прямо.

— Схватились! Ужъ третій день на складѣ у насъ лежитъ. Размѣняли. Можете представить: заснулъ на митингѣ!

— Послушайте... А вдругъ я засну?

— Въ Че-кѣ разбудятъ.

— Товарищъ... Стаканчикъ денатуратцу, — разрѣшите предложить?

— За это чувствительно благодаренъ! Ваше здоровье! А только ослабонить никакъ невозможно. Вѣрите совѣсти: — цѣлый день гойдаю, какъ каторжный, все публику натягиваю, на эти самые митинги, ну ихъ... къ этому самому! У всякаго то жена рожаетъ, то онъ по службѣ занятъ, то выйти

не въ чемъ. Масса бѣлобилетчиковъ развелось! А одинъ давеча, какъ дитя плакалъ, въ ногахъ валялся: «дяденька, говоритъ, увольте! Съ души претъ, говоритъ, отъ этого самаго Троцкаго. Ну, что, говоритъ, хорошаго, ежели я посреди рѣчи о задачахъ Интернаціонала — въ Ригу вдругъ поѣду?!.» Онъ плачетъ, жена за нимъ въ голосъ, дѣти вой подняли, — инда меня слеза прошибла. Одначе — забралъ. Потому обязанность такая: разъ ты свободный совѣтскій гражданинъ — слушай Троцкаго, сволочь паршивая! На то тебѣ и свобода дадена, чтобъ ты Троцкую барщину сполнялъ! Такъ записать васъ?

— А, ч-чортъ!.. А что, недолго будетъ?

— Да нѣтъ, гдѣ тамъ долго! Много ли — полтора-два часа. Чортъ съ ними, идите, господинъ, не связывайтесь лучше! И мнѣ, и вамъ покойнѣе. Рѣчь Троцкаго, рѣчь Бухарина, рѣчь венгерскаго какого то холуя, — да и все. Ну, потомъ, конечно, лезорюція собрамшихся.

— Ну, вотъ видите: еще и резолюція! Это такъ задержитъ...

— Котора задержитъ? Лезорюція?! Да она уже готовая. Отпечатанная. Вотъ у меня и ензенпляръчикъ есть для справки.

Оруженосецъ отставилъ ружье, пошарилъ въ разносной сумкѣ и вынулъ сѣрую бумажку...

Москвичъ прочелъ:

— «Мы, присутствующіе на митингѣ тов. Троцкаго, подавляющимъ большинствомъ голосовъ вынесли полнѣйшее одобреніе всей совѣтской политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней; кромѣ того, призываемъ красныхъ товарищей на послѣдній красный

бой съ бѣлыми польскими панами, выражаемъ согласіе еще, сколько влѣзетъ, терпѣть всяческія лишенія для торжества III Интернаціонала и привѣтствуемъ также венгерскаго товарища Бела-Куна! Да здравствуетъ Троцкій, долой соглашателей, всѣ на польскихъ пановъ! Слѣдуетъ 1639 подписей!

Прочелъ хозяинъ. Вздохнулъ такъ глубоко, что на рубашкѣ отскочила пуговица.

— Ну, что жъ... Ѣхать такъ ѣхать, какъ сказалъ Распутинъ, когда Пуришкевичъ бросалъ его съ моста въ воду.

Новая русская хрестоматія

(Для сознательныхъ комдѣтокъ)

Рекомендуется при помощи маузера во всѣ неучебныя заведенія.

Добрый пудель

У одного среднячка былъ пудель. Они очень любили другъ друга, но, благодаря кулацкимъ элементамъ, продналогъ не удался и потому животы у нихъ были пустые, какъ голова соціалъ-соглашателя.

Однажды сидѣлъ хозяинъ пуделя у камина и ковырялъ ногой холодную золу. Пудель сидѣлъ тутъ же. Какъ вдругъ онъ подползъ къ хозяйской ногѣ и любовно вцѣпился зубами въ икру.

— Это тебѣ не паюсная! — воскликнулъ хозяинъ, перегрызая горло собаки.

И что же! — Бѣдная собака кормила хозяина три дня, не считая шкуры шерстью вверхъ, изъ которой вышли мѣховые сапоги.

Такъ отблагодарилъ добрый пудель своего любящаго хозяина за всѣ его заботы.

Примѣры для диктанта

Хороши у Трѣшки сережки. Вырывай сережки съ мясомъ, — будешь ѣсть окрошку съ квасомъ.

За сокрытые излишки вынули у Тришки кишки. За моремъ телушка полушка, а у насъ крысенокъ — милліонъ стоитъ. Я буду ѣсть пирогъ съ грибами, а ты держи языкъ за зубами.

Дѣтская пѣсня

Мнѣ уже 13 съ гакомъ...
На свободныхъ пять минутъ
Окручусь скорѣе бракомъ,
Черезъ часикъ — разведутъ.

Наивный Ваня

Реквизировалъ папа у одного агента Антанты десятокъ сливъ. Принесъ домой, положилъ на столъ, анъ глядь, — черезъ минуту ихъ уже 9 штукъ.

— Дѣти, кто сливу съѣлъ? — спрашиваетъ папа.

Всѣ дѣти сказали: «мы не брали» и маленькій Ваня тоже сказалъ: «не я».

Папа, будучи опытнымъ чекистомъ, пустился на провокацію:

— Сливы мнѣ не жалко, но если кто съѣлъ ее съ косточкой, — можно умереть.

— Нѣтъ, я косточку выплюнулъ, — испуганно сказалъ Ваня.

— Ага, попался. Становись къ стѣнкѣ!

И всѣ засмѣялись, а Ваня заплакалъ:

— Эхъ, засыпался я!

Стихи

Нива моя, нива,
Нива золотая,
Зрѣешь ты на солнцѣ
Колосъ наливая...

А когда нальешься
До краевъ ты, колосъ—
«Подавай излишки!»
Я услышу голосъ.

Пословицы: Съ мужика — штанишки, арміи — излишки, мужику въ животъ — пулю, населенію, вмѣсто хлѣба — дулю.

Ось и Чека

Везли два хохла на телѣгахъ продовольствіе. Вдругъ у одного ломается ось, у другого чека.

— Продай мнѣ одну чеку, у тебя двѣ.

— Изволь, за пять милліардовъ продамъ.

Услыхали чекисты, что идетъ такая спекуляція и забрали хохловъ въ чрезвычайку.

И когда сталы хохлы у стѣнки — сказали другъ другу сокрушенно:

— Ось тебѣ и чека.

Пословицы: Если будешь на чеку, чекомъ ты смягчишь чеку.

Еще объ умѣ чекистовъ

Навозну кучу разрывая
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно.
Вдругъ — свистъ!
Чекистъ!!
Пѣтуху въ ухо,
Пѣтуха себѣ въ брюхо,
Зерно — въ лапу.
И давай драпу!

Примѣры для списыванія: Была у мужика курица, а теперь одна горѣлая изба курится. Рыбу съ чужого воза за пазуху — на завтра запасъ уху. «Что въ вымени тебѣ моемъ?» — сказала хозяйкѣ корова, возвратясь съ выженнаго поля.

Поликратовъ перстень

Древній человѣкъ Поликратъ такъ былъ счастливъ, что даже испугался. Чтобъ умилостивить боговъ, онъ бросилъ въ море любимый перстень. Пошелъ, однажды, на базаръ, купилъ на обѣдъ рыбу, несъ домой, вдругъ навстрѣчу предсѣдатель исполкома. «Стой! Что несешь? Отдавай трудящемуся народу».

И унесъ. А былъ ли въ этой рыбѣ перстень — чортъ его знаетъ. Къ исполкомщику, что попадетъ, то какъ въ прорву.

Наука расширяетъ кругозоръ

«Дѣти знайте, что шишки съ ели, —
Очень пригодны для топливной цѣли», —
Училъ учитель дѣтокъ разъ...
Внималъ ему притихшій классъ.

Набрали дѣти шишекъ съ ели,
Зажарили учителя и — съѣли!

Разсказъ, который противно читать

Одинъ пожилой, солидный господинъ совсѣмъ недавно возвращался домой.

Дѣло было вечеромъ, на дачѣ, идти пришлось черезъ небольшой лѣсокъ.

Вдругъ: — «стой!», — загремѣло у него надъ ухомъ. Изъ-за кустовъ выскочилъ разбойникъ, навелъ на мирнаго господина браунингъ и прохрипѣлъ грубымъ, страшнымъ голосомъ:

— Руки вверхъ!..

— Н.. не могу, голубчикъ, — пролепеталъ мирный господинъ блѣдными трясущимися губами.

— Убью, какъ собаку! почему не можешь?

— У меня ревматизмъ. Рукой пошевелить трудно.

— Ревматизмъ, — угрюмо пробурчалъ разбойникъ... — ревматизмъ! Разъ ревматизмъ, — лечиться нужно, а не затруднять зря занятыхъ людей ожиданіемъ, пока тамъ тебѣ заблагоразсудится поднять руки.

— Я не знаю, право, чѣмъ его лѣчить, этотъ ревматизмъ...

— Здравствуйте! Я же тебѣ долженъ и совѣты давать. Натирай руки муравьинымъ спиртомъ, — вотъ и все.

— Что вы, голубчикъ! Гдѣ-жъ его теперь купишь — муравьиный спиртъ. Ни въ одной аптекѣ нѣтъ.

— На рукахъ кое у кого найдется — поищи.

— Да если бы я зналъ — гдѣ! Я бы хоть сто килограммовъ купилъ. Хорошо можно заработать.

Свирѣпое лицо разбойника приняло сразу дѣловой видъ:

— Сколько дадите? У меня есть пятьдесятъ килограммовъ. Цѣна 450, франко моя квартира.

— Сдѣлано. Я и задаточекъ возьму; все равно ужъ бумажникъ у васъ вытащилъ.

— Пойдемъ, въ такомъ случаѣ, въ кафе, — условьице напишемъ.

— Гдѣ-жъ его тутъ найдешь въ лѣсу, кафе это?

— Ну, пойдемъ ко мнѣ домой, разбужу жену, она кофейку сваритъ.

— Ладно! Айда.

* * *

Какъ противны эти разсчетливые, разсудительные зрѣлые годы, — все бы только спекуляція, все бы только нажива.

Не лучше ли намъ окунуться въ міръ беззаботной, прекрасной золотой молодости, — поры сладкихъ грезъ и безумныхъ, пышныхъ надеждъ.

Вотъ — двое на скамейкѣ. Онъ и она...

Молодая, цвѣтущая пара.

— Катя! Ты знаешь, что за тебя я готовъ отдать всю свою кровь по каплямъ! Прикажи, — луну стащу съ небосклона... Катя!.. А ты меня любишь? Скажи только одно крохотное словечко: «да».

— Глупый! Ты же знаешь... Ты же видишь...

— О, какое безмѣрное счастье! Я задушу тебя въ объятіяхъ. Значитъ, ты согласна быть моею женой?..

— Да, милый.

— Я хочу, чтобы свадьба была какъ можно скорѣе! Можно черезъ недѣлю?

— Что ты, чудакъ! У меня и платья вѣнчальнаго нѣтъ.

— Сдѣлаемъ! Изъ чего дѣлается платье?

— Ну... муслинъ, шифонъ, атласъ...

— Есть! Могу предложить муслинъ по 28.000 аршинъ, франко портниха.

— Хватитъ! А моя подруга на прошлой недѣлѣ брала по 23.000.

— Какъ угодно. Не хочешь и не надо. Найдемъ другую покупательницу. Вашего то брата, теперь, невѣстъ, какъ собакъ нерѣзанныхъ.

— Молодой человѣкъ! Куда же вы? Постойте!..

— Ну?..

— Фрачными сорочками, шелковыми носками не интересуетесь? Вернитесь — дешево, франко квартира...

* * *

Нѣтъ, вонъ отсюда! Подальше отъ этой жадной, захлебывающейся въ своекорыстныхъ разсчетахъ, молодости...

Дайте мнѣ свѣтлую, розовую юность, дайте мнѣ прикоснуться къ ароматному дѣтству.

Вотъ по улицѣ важно шествуетъ, посвистывая, десятилѣтній мальчуганъ. Куда это онъ, птенчикъ?

Гм! Стучится въ дверь закопченной, полуразрушенной хижины.

— Эй! Кто есть живой человѣкъ? Не тутъ ли живетъ жулье, которое дѣтей воруетъ?

— Тутъ, тутъ. Пожалуйте.

— Слушайте вы, рвань! Есть фартъ. *) Можно большую деньгу зацѣпить!

— Чего еще?!

— Уворуйте меня нынче вечеромъ. Родители хорошій выкупъ дадутъ.

— А тебѣ, пузырь, что за разсчетъ?

— Я изъ 50% работаю. Тысячъ шестьдесятъ сдеремъ, — вамъ тридцать, мнѣ тридцать.

— Экю хватилъ — 50%! У насъ и рискъ, и хлопоты, а у тебя...

— А зато я письмо пожалостливѣе составлю. Другого мальчика еще выкупятъ или нѣтъ, — вопросъ, а меня родители такъ любятъ, что послѣднее съ себя стащатъ, да отдадутъ.

— Мало 50%! Намъ еще дѣлиться надо.

— А мнѣ дѣлиться не надо?! 15% сестренкѣ обѣщалъ за то, что передъ родителями въ истерику хлопнется. Не безпокойтесь, у насъ тоже своя контора...

* * *

Какъ?! Неужели тлетворная бацилла спекуляціи отравила и розовую юность... О, Боже! Въ такомъ случаѣ, что же остается нетронутымъ? Неужели только младенчество?...

*) На воровскомъ языкѣ — удача.

Вотъ въ колыбелькѣ лежитъ розовый, толстый бутузъ, свѣтлые глазки глядятъ въ потолокъ вдумчиво, внимательно, неподвижно.

Любящіе родители склонили надъ нимъ свои головы... любуются первенцемъ.

— Не знаю, что и дѣлать, — печально говоритъ жена. — Какъ же его кормить, если у меня молоко пропало!? Придется нанять мамку.

— Конечно, найми, — киваетъ головой мужъ. — Дорого, да что же дѣлать.

Младенецъ переводитъ на нихъ свѣтлый, вдумчивый взглядъ и вдругъ... лукаво подмигиваетъ:

— Есть комбинація, — говоритъ онъ, хихикнувъ. — Сколько будете платить мамкѣ за молоко? Тысячъ 60, франко мой ротъ...? Да прокормить ее будетъ стоить вдвое дороже. Итого — 180 тысячъ. А мы сдѣлаемъ такъ: покупайте мнѣ въ день по бутылкѣ молока, —это не больше 500 обойдется. Въ мѣсяцъ всего — 15.000. А экономію въ 165.000 раздѣлимъ пополамъ. Отецъ! Запиши сдѣлку...

* * *

Охо-хо... Такъ вотъ и живутъ у насъ.
Скорѣй бы ужъ конецъ міра, что ли. . . . .

Стенли

Стоитъ дворъ; на дворѣ колъ; на колу — мочала. Не начать ли сказочку сначала?

Начнемъ!

Стоитъ Кремлевскій дворъ; на дворѣ колъ; на колу радіо-телеграфъ. А больше ничего и нѣтъ, — даже мочалу Внѣшторгъ вывезъ заграницу. Огромную площадь занимаетъ Россія: одну шестую часть земной суши. И пусто все. Только въ серединѣ колъ съ радіо-телеграфомъ, а возлѣ сидитъ въ пещерѣ весь совнаркомъ и изъ-подъ земли декретируетъ.

Удивительная страна!

Въ 1935 году одинъ заболѣвшій сплиномъ иностранецъ заинтересовался: а не съѣздить ли посмотрѣть?

Сталъ наводить справки:

— Какъ достать расписаніе поѣздовъ? Какимъ поѣздомъ можно попасть въ Москву? —

Спрашиваемые удивились:

— Поѣздомъ? Съ ума вы сошли! Что это вамъ — Азія, что ли?

— Но какъ же попасть?

— Читали «Экспедицію Генри Стенли къ истокамъ Нила?» — Вотъ вамъ руководство. Складная палатка, немного оружія, сушеное мясо, консервы,

полсотни носильщиковъ и идите съ Богомъ! Для общенія съ туземцами не забудьте прихватить блестящихъ бусъ, кумачу, дюжину зеркалецъ и нѣсколько бутылокъ огненной воды.

— Опомнитесь! Въ страну Достоевскаго, Чехова, Чайковскаго и Рѣпина кумачъ и бусы?!.

— Эва! Теперь это страна Фрунзе, Цурюпы, Радека и Бела-Куна, — это тебѣ не Чайковскій...

* * *

Собрался новый Стенли, подъѣхалъ къ границѣ, жутко: вѣтеръ воетъ, волки бѣгаютъ, а за пограничной линіей, — то не колосъ шуршитъ, не мельница гудитъ, то — красноармеецъ на границѣ стоитъ, ружьишкой всѣмъ въ пузо тычетъ.

— Куда лѣзете, черти?!

Дали ему серебряный шилингъ и бутылку огненной воды, — смягчился.

— А это что у васъ?

— Зеркальце.

— Покажь!

Глянулъ въ зеркальце, отразился, головой покрутилъ, сплюнулъ:

— Эку дрянь показываете...

— Нѣтъ ли тутъ проводника изъ туземцевъ, — намъ бы въ глубь страны?!

— И проводника найдемъ! За кусокъ кумачу, за пару корнбифа къ самому чорту доведетъ!!

— Намъ бы до совнаркома.

— Все едино.

* * *

— Здравствуйте, туземецъ! Вы — проводникъ?

— Такъ точно.

— Страну знаете?

— Помилуйте! Почетный членъ императорскаго географическаго общества, адъюнктъ-профессоръ. Были когда-то и мы рысаками. Куда вести?

— На Москву. Намъ бы еще носильщики нужны для вещей...

— Этого добра сколько влѣзетъ. Ваше превосходительство! Ваше сіятельство! Вали сюда артелью. Вотъ этому чудилѣ вещи на Москву донести.

— Съ нашимъ удовольствіемъ. А харчъ хозяйскій?

— Само собой!

Нагрузились. Пошли.

* * *

— Это что за развалины такія?

— Древній городъ тутъ былъ — Харьковъ..

— До Рождества Христова?

— Кой чортъ! Въ позапрошломъ году развалился.

Дальше пошли.

— А это что за дымовая труба?

— Курскъ тутъ былъ. По этой трубѣ только и примѣчаемъ. А Орла такъ и не найду теперь: гладкое мѣсто, зацѣпиться не за что. Одно слово центроглушь!

— Гдѣ же жители?

— А вотъ мы и есть жители. Какихъ же еще вамъ нужно?

— Гм... Москва близко?

— Какъ палку увидите, — вотъ это и будетъ Москва. Радіо на палкѣ. Какъ говорится: всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ...

* * *

Подходя къ Тулѣ, мамонта убили. Здоровый былъ, шельма, да разрывныя пули тоже не шутка. Вырѣзали клыки, насушили мяса, нагрузили на носильщиковъ, пошли дальше.

* * *

Въ Сокольникахъ лѣсные люди напали.. Чуть не съѣли всю экспедицію, да окопались во время, отбились.

Очень было страшно.

* * *

— Вотъ вамъ и Москва! Вонъ эта палка торчитъ, — радіо. А возлѣ стальная дверь подъ землю идетъ. Такихъ дверей двѣнадцать, а сбоку все бронировано. За двѣнадцатой Совнаркомъ и сидитъ. — Эй, стража! Какого-съ иностранца привели!

— Чего надо?!

— Хотѣлъ бы представиться Ленину и Троцкому...

— Раздѣвайся!

— Помилуйте, за что же?!. я...

— Да, можетъ быть, у тебя бомбы за пазухой.

— Такъ вы просто обыщите!

— Просто! У васъ все просто. А, можетъ, у тебя въ пуговицахъ мелинитъ зашитъ.

Раздѣли. Повели. Загремѣли стальныя двери, — одна за другой, одна за другой.

За одинадцатой — человѣкъ вышелъ: на головѣ пукъ волосъ, на подбородкѣ клокъ, глаза изъ-за пенснэ пытливо поглядываютъ: видно, что самъ Троцкій.

— Очень рады! Наконецъ-то имперіалистическія страны признали насъ.

Поговорили о томъ, о семъ.

Вдругъ хозяинъ всталъ, сорвалъ съ себя бородку, пенснэ, сказалъ:

— Ну, теперь я вамъ Троцкаго покажу!

— Да развѣ вы сами не Троцкій?

— Эва, прыткій какой! Это такъ сразу не дѣлается. Сначала я долженъ былъ въ тебѣ увѣриться.

— Но въ чемъ же, Господи?!.

— А вдругъ ты бѣлогвардеецъ? Пришелъ покуситься на него!?.

— Помилуйте, чѣмъ-же? Вѣдь я — голый..

— Толкуй. А, можетъ, ты динамиту нажрался, да съ разгону брюхомъ въ него ка-акъ саданешь... Эхъ, хитеръ теперь нашъ подданный пошелъ. Одначе, пожалуйте! Вотъ тутъ, за этой послѣдней дверью...

Загремѣла послѣдняя дверь.

Большая, низкая комната...

Стѣны забраны стальными листами, съ заклепками на ребрѣ. Столъ, на столѣ — свѣчка...

Сидятъ, понурившись, два человѣка, другъ отъ друга отвернулись, — надоѣли, очевидно, другъ другу до смерти.

— Вы къ намъ? Чѣмъ обязаны?..

— Льщу себя счастьемъ лицезрѣть правителей такой огромной страны!..

— Ну, что-жъ, лицезрѣйте...

Потопался новый Стэнли, переступилъ съ ноги на ногу:

— Ну, ужъ пойду я! Душновато тутъ...

— Да, невесело. Заходите еще какъ-нибудь.

— Почту за честь... Я когда-нибудь въ будущемъ году... навѣдаюсь...

Повернулся. Загремѣли стальныя двери — одна за другой, одна за другой... Вышелъ на свѣжій воздухъ. Снова передъ нимъ дворъ; на дворѣ колъ; на колу, вмѣсто мочалы — радіо...

* * *

Старѣть я сталъ, что-ли.

Старые люди любятъ, проснувшись, свои сны разсказывать.

Вотъ и я разсказалъ, что мнѣ вчера снилось.

Чего бы это значило, этотъ сонъ, а?..

Уники

Петербургъ. Литейный проспектъ. 1920 годъ. Въ антикварную лавку входитъ гражданинъ самой свободной въ мірѣ страны и, въ качествѣ завсегдатая лавки, обращается къ хозяину, потирая руки, съ видомъ покойнаго основателя Третьяковской галлереи, забредшаго въ мастерскую художника:

— Ну-ну, посмотримъ... Что у васъ есть любопытнаго?

— Помилуйте. Вы пришли въ самый счастливый моментъ: уникъ на уникѣ и уникомъ погоняетъ. Вотъ, напримѣръ, какъ вамъ покажется сія штукенція?

«Штукенція» — передняя ножка отъ массивнаго деревяннаго кресла.

— Гм... да! А сколько бы вы за нее хотѣли?

— Восемьсотъ тысячъ!

— Да въ умѣ ли вы, батенька... Въ ней и пяти фунтовъ не будетъ.

— Помилуйте! Настоящій Луи Каторзъ.

— А на чорта мнѣ, что онъ Каторзъ. Не на стѣнкѣ же вѣшать. Каторзъ не Каторзъ — все равно, обѣдъ буду сегодня подогрѣвать.

— По какому это случаю вы сегодня обѣдаете?

— По двумъ случаямъ, батенька! Во первыхъ, —

моя серебряная свадьба, во вторыхъ, досталъ полъ фунта чечевицы и дельфиньяго жиру.

— А вдругъ Че-ка пронюхаетъ?

— Дудки-съ! Мы это ночью все сварганимъ. Кстати, для жены ничего не найдется? Въ смыслѣ мануфактуры.

— Ну, прямо таки, вы въ счастливый моментъ попали. Извольте видѣть — самый настоящій полосатый тикъ.

— Съ дачной террасы?

— Совсѣмъ напротивъ. Съ тюфячка. Тутъ на цѣлое платьице, ежели юбку до колѣнъ сдѣлать. Дешевизна и изящество. И для васъ кое-что есть. Поглядите-ка: настоящая сатиновая подкладка отъ настоящаго драповаго пальто-съ! Да и драпъ же! Всѣмъ драпамъ драпъ.

— Да что же вы мнѣ драпъ расхваливаете, когда тутъ только одна подкладка?!

— Объ драпѣ даже поговорить пріятно. А это точно, что сатинъ. Типичный брючный матеріалъ.

— А вотъ тутъ, смотрите, протерлось. Сошью брюки, анъ — дырка.

— А вы на этомъ мѣстѣ карманчикъ соорудите.

— На колѣнѣ-то?!!

— А что же-съ. Оригинальность, простота и изящество. Да и колѣно — самое чуткое мѣсто. Деньги, тащить будутъ — сразу услышите.

— Тоже скажете! Это какой же карманъ нуженъ, ежели я, выходя изъ дому, меньше двѣнадцати фунтовъ денегъ и не беру. Съѣдобнаго ничего нѣтъ?

— Какъ не быть! Изволите видѣть, — настоящая «Метаморфоза», — Перль-де-нежъ!

— Что же это за съѣдобное: обыкновенная рисовая пудра!

— Чудакъ вы человѣкъ: сами же говорите —рисовая, и сами же говорите - несъѣдобная. Да еще въ 18-мъ году изъ нея такое печенье нѣкоторые штукари пекли...

— Ну, отложите. Возьму. Да позвольте, что же вы ее на столъ высыпаете?!.

— А коробочка-съ отдѣльно! Уникъ. Настоящій картонъ и буквочки позолоченныя. Не я буду, если тысяченокъ восемьсотъ за нее не хвачу.

— Вотъ коробочку-то я и возьму. Женѣ свадебный подарокъ. Бижутри, какъ говорится.

— Бумажнымъ отдѣломъ не интересуетесь? Рекомендовалъ бы: предобротная вещь!

— Это что? Меню ресторана «Вѣна»? Гм... Обѣдъ изъ пяти блюдъ съ кофе — рубль. А ну, что ѣли 17 ноября 1913 года? «Бульонъ изъ курицы. Щи суточ. Пирожки. Осетрина по русски. Индѣйка, рябчики, ростбифъ. Цвѣтная капуста. Шарлотка съ яблоками». Н-да... Взять женѣ, почитать, что-ли.

— Берите. Вѣдь я вамъ не какъ меню продаю... Вы на эту сторону плюньте. А обратная-съ, — вѣдь это бристольскій картонъ. Бѣлизна и лакъ. На ней писать можно. Я вамъ только съ точки зрѣнія чистой поверхности продаю. И безъ Совнархоза сдѣлочку завершимъ. Безъ взятія на учетъ. Двѣсти тысяченокъ вѣдь васъ не раззорятъ? А я вамъ въ придачу зубочистку дамъ.

— Зачѣмъ мнѣ? Все равно, она безработная будетъ...

— Помилуйте, — а перо! Кончикъ разсщепите и пишите, какъ стальнымъ.

— Да, вотъ кстати, чтобъ не забыть! Мнѣ передавали, что у Шашина на Васильевскомъ Островѣ два стальныхъ пера продаются № 86.

— Да правда-ли? Можетъ, старыя, поломанныя.

— Новехенькія. Ижицынъ ѣздилъ къ нему смотрѣть. № 86. Тисненыя, сволочи, хорошенькія такія, — глазъ нельзя отвести. Вы не упускайте.

— Слушаю-съ! Кромѣ — ничего не прикажете?

— Антрацитъ есть?

— Имѣется. Сколько каратъ прикажете?

* * *

Этотъ разсказъ написанъ мною вовсе не для того чтобы разсмѣшить читателя для пищеваренія послѣ обѣда.

Просто я, какъ добросовѣстный околодочный, протоколъ написалъ...

Урокъ литературы

Новый учитель вошелъ въ классъ и, ласково поклонившись ученикамъ, сказалъ:

— Здравствуйте, дѣти!

— Здравствуйте, товарищъ учитель!

— Всѣ-ли въ сборѣ?

— А чертъ его знаетъ!

— То есть, какъ это такъ?!

— А такъ. Что мы за хвостъ будемъ ловить всякаго, кто не пришелъ?

— А все-таки?

— Ну вотъ, напримѣръ, Евдокимова Андрея нѣтъ, Переплюхина Егора...

— Что-жъ они... заболѣли?

— Евдокимовъ пошелъ на Сѣнную, батькинъ галстухъ и манжеты загонять, а Переплюхинъ женится нынче.

— Какъ женится? Вы шутите!

— Одинъ такой шутилъ, — такъ его на мушку взяли.

— Но все-таки! Мальчишкѣ четырнадцать лѣтъ и въ такіе годы связывать себя на всю жизнь...

— Бросьте, товарищъ, волноваться: печонка лопнетъ. Кой тамъ чортъ на всю жизнь! Онъ обѣщалъ мнѣ черезъ недѣлю съ ней развестись. Онъ,

товарищъ учитель, изъ за интересу женится. По расчету: у невѣсты есть полъ фунта жировъ и двѣ банки сгущенаго молока. Отберетъ, слопаетъ и разведется.

Новый учитель вздохнулъ, свѣся голову, и сказалъ:

— Итакъ, займемся мы сейчасъ... — Дятловъ Степанъ подошелъ къ нему съ таинственнымъ видомъ и шепнулъ:

— Есть комбинація!

— То есть?

— Отпустите меня сейчасъ — я вамъ раза́ нюхнуть дамъ...

— Съ ума ты сошелъ! Что это значитъ «нюхнуть»?

— Кокаинчику...

— Пошелъ на мѣсто, скверный мальчишка. Если тебѣ нужно по дѣлу, — я тебя и такъ отпущу. А подкупать меня этой дрянью!!.

— Да мнѣ по дѣлу и нужно: одно свиданьице. То есть такая дѣвченка, товарищъ учитель, — огонь! Препикантное созданье. Хотите, потомъ познакомлю?

— Пошелъ вонъ на мѣсто!

— Ну, послѣдній разговоръ: три понюшки хотите? Да другой бы зубами уцѣпился...

— Садись. Итакъ, господа, сейчасъ мы займемся Гоголемъ...

— Гоголь-моголь! Неужто устроите? Вотъ это по товарищески!

Взоры алчно засверкали, языки облизнули губы и всѣ сдвинулись ближе.

— Гоголь! Это писатель такой.

Взоры у всѣхъ потухли и руки вяло опустились.

— Подумаешь, — важное кушанье. Зналъ-бы, сразу дёру далъ!

— Итакъ — Гоголь: «Мертвыя души».

— Ловко! Кто-жъ это ихъ угробилъ?

— Никто. Это умершіе крестьяне...

— Такъ-съ. Разрѣшили, значитъ, продовольственный вопросецъ. Ну, жарьте дальше.

— «Въ ворота гостиницы губернскаго города N въѣхала довольно красивая рессорная бричка, въ какой ѣздятъ...»

— Комиссары, — подсказалъ Дятловъ.

— Ничего не комиссары, — усмѣхнулся учитель. — Это былъ помѣщикъ Чичиковъ.

— Агентъ Антанты, — догадался кто-то сзади.

— «Наружный фасадъ гостиницы отвѣчалъ ея внутренности...»

— Понимаемъ-съ. Губчека помѣщалась!

— Причемъ тутъ — Губчека? — нетерпѣливо поморщился учитель... «За Чичиковымъ внесли его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи... («милліоновъ десять стоитъ»! — вздохнулъ кто-то сзади). Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ ларчикъ краснаго дерева, сапожныя колодки... («Знаемъ мы, для чего эти колодки! При допросахъ пальцы завинчиваютъ...»)... и завернутая въ синюю бумагу жареная курица.

Всѣ вдругъ зашевелились...

— Какъ!.. Какъ?.. Прочтите еще разъ это мѣсто..:

— «Завернутая въ синюю бумагу жареная курица...»

— Вотъ буржуй анафемскій!

— Реквизнуть-бы!

— Хоть-бы ножку одну сковырнуть...

Учитель перешелъ на описаніе внутренности общей залы, и всѣ опять потухли. Опущенныя скучающе головы поднялись только при магическихъ словахъ: «Чичиковъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ».

— Какъ обѣдъ!! Какой обѣдъ? Вѣдь у него-же жареная курица была?!

— «Покамѣсть ему подавали разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи со слоенымъ пирожкомъ, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жаренная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ...»

— Да неужто-жъ не лопнулъ?!.

— Брехня!..

— Стой, товарищъ! Посчитаемъ, сколько такой обѣдъ долженъ стоить. Клади на щи съ пирожкомъ — пятьсотъ тысячъ, мозги — восемьсотъ тысячъ...

— Это, можетъ, твои мозги! Гдѣ ты жареные мозги съ горошкомъ и хлѣбомъ за восемьсотъ тысячъ найдешь? Тутъ милліоновъ на шесть будетъ!..

Учитель усмѣхнулся.

— То, что Чичиковъ ѣлъ въ трактирѣ, — вздоръ! А вотъ послушайте, чѣмъ его угостила Коробочка. «Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой

съ творогомъ, припекой съ сняточками, и нивѣсть чего не было...» «Прѣсный пирогъ съ яйцами» — сказала хозяйка. Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ-же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. — «А блиновъ?» — сказала хозяйка. Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувъ ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой...»

— Брехня!..

— Тьфу-ты, чортъ! — сплюнулъ кто-то. — А гдѣ онъ еще обѣдалъ?

— Дѣло не въ этомъ. Я вамъ лучше прочту геніальное описаніе характера какъ самого Чичикова, такъ и его слугъ.

— Нѣтъ, къ чорту! Это мимо.

— Не надо!

— Ну, описаніе Собакевича... хотите? Замѣчательно выпукло. Будто изваянъ рѣзцомъ геніальнаго скульп...

— А онъ у него обѣдалъ?

— Обѣдалъ.

— Что! Ну-ка что? Чего обѣдалъ?

— «Щи, моя душа, сегодня очень хороши, — сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками.

— «Возьмите барана! — сказалъ Собакевичъ, обращаясь къ Чичикову: — это бараній бокъ съ кашей. У меня, когда свинина, всю свинью давай

на столъ; баранина, — всего барана тащи; гусь, — всего гуся.» За бараньимъ бокомъ послѣдовали ватрушки, изъ которыхъ каждая была больше тарелки; потомъ индюкъ ростомъ съ теленка, набитый всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и нивѣсть чѣмъ!..»

— Брехня! — простоналъ сзади страдальческій голосъ.

— Брехня? — обидѣлся учитель. — Нѣтъ-съ, господа, Гоголь не вретъ! Вы возьмите, какъ онъ правдиво описываетъ характеръ Плюшкина...

— А у него обѣдалъ?

— Ну, знаете, у Плюшкина не пообѣдаешь...

— Къ чорту тогда Плюшкина!

— У кого еще обѣдалъ?

— У Манилова, у Пѣтуха обѣдалъ, завтракалъ у полицеймейстера... Вы послушайте, какъ прекрасно описанъ типъ полицеймейстера...

— Къ черту типъ! Что онъ тамъ завтракалъ?

— «Появилась на столѣ бѣлуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣже-просоленная, селедки, севрюжки, сыръ, копченые языки и балыки, — это было все со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились издѣлія хозяйкиной кухни: пирогъ съ головизной, куда вошли хрящъ и щеки девятипудоваго осетра; другой пирогъ съ груздями, пряженцы, маслянцы, взваренцы».

— Брехня!! — возопилъ Кустиковъ Семенъ, заткнувъ уши и мотая головой. — Не можетъ этого быть!

Учитель задумчиво и сочувственно оглядѣлъ свою паству. Вздохнулъ:

— Нѣтъ, это было.

— А почему теперь нѣтъ? Ну, скажите! Ну? Почему?

— Теперь нѣтъ потому, что нынѣшній коммуническій строй, разворивъ и разрушивъ экономическую жизнь страны и уничтоживъ священное право собственности, убилъ охоту къ труду и...

Дятловъ Степанъ вдругъ вскочилъ и торопливо крикнулъ:

— Который часъ?

Учитель вынулъ часы.

— Ахъ, какіе красивые! Можно посмотрѣть?

Дятловъ Степанъ подошелъ, наклонился къ жилету учителя, будто разсматривая часы, и шепнулъ:

— О томъ, что вы говорите, — послѣ доскажете. При Цибиковѣ и Вацетисѣ нельзя.

— Господи! Почему?

— Они лягавые. Въ «ве-че-ка» служатъ. Въ моментъ засыпетесь...

Учитель снова обвелъ взглядомъ худыя лица съ горящими глазами, въ послѣдній разъ вздохнулъ и, ни слова не говоря, забравъ своего Гоголя, — вышелъ.

Страна иностранцевъ

... Сдѣлка для Петра Петровича была замѣчательная: за какіе-нибудь пустяковые шесть милліардовъ рублей онъ пріобрѣталъ въ полную собственность особнякъ въ Каретномъ ряду — изъ четырехъ комнатъ съ кухней и погребомъ.

Въ комиссаріатѣ Дырбырщуръ (неизвѣстно, что это значило въ переводѣ на русскую рѣчь) ему самодовольно сказали:

— Видите, какъ теперь все просто въ Совѣтской Россіи: приведите только двухъ свидѣтелей русско-подданныхъ, чтобъ они расписались на этой бумажкѣ, — и вступайте себѣ спокойно во владѣніе купленнымъ домомъ.

— Только и всего? — радостно осклабился Петръ Петровичъ.

— А вы думали! Это не то, что въ прежнее бюрократическое время: купчія, да мупчія, да вводъ во владѣніе... Притащите двухъ русско-подданныхъ, распишутся, — и домишко вашъ со всѣми потрохами.

Радостный, побѣжалъ Петръ Петровичъ по Долгоруковскому переулку, выбѣжалъ на Тверскую, — на ловца и звѣрь бѣжитъ: навстрѣчу Григорій Семенычъ Бутылкинъ идетъ.

— Гриша, голубчикъ! Распишись на одной бумажкѣ... Домикъ покупаю. Требуется русско-подданная подпись.

— Тю, дурной, — усмѣхнулся Бутылкинъ. — Хиба-жъ я русько-поданный?.. Я жъ украинець. У менія теперь не паспортъ, а тей-те, якъ его? Чи то оповиданіе, чи чортъ ти що. Ты лучше Пузикова позови, — вонъ издали кланяется.

— Пузиковъ! Иди сюда. А я, братъ, домъ покупаю, свидѣтель нуженъ, расписаться. Русско-подданный. Распишись, голубчикъ.

— Какое же я имѣю отношеніе?

— Но ты, какъ русско-подданный...

— Вотъ что, мой милый... Хотя я у тебя и дѣтей крестилъ, но если ты еще разъ такъ обо мнѣ выразишься, я такъ тебя этой палкой по шеѣ огрѣю! Какое право ты имѣешь оскорблять природнаго лимитрофа и эстонца Пантелея Пузикова?

Заплакалъ Петръ Петровичъ.

— Пантюша! Да когда же ты лимитрофомъ сдѣлался?

— У насъ это въ роду было. Отецъ даже два раза по дѣламъ въ Ревель ѣздилъ, а у бабки домъ въ Ригѣ былъ! Кровь-то, братъ, она заговоритъ! Карамала-бучукъ.

— Это чивой-то значитъ?

— По эстонски: о, моя родина, о моя Эстія! всѣхъ ты улыбкой даришь. По эстонски оно очень ловко выходитъ: карасу-барасу бубулдай.

— Здорово. Такъ гдѣ жъ мнѣ найти, все-таки, русско-подданнаго?

— Господи! Въ Москвѣ не найти русско-подданныхъ! Да вотъ тебѣ Жигулевъ Васька идетъ. Тащи его за шиворотъ.

Васька и самъ подошелъ.

— Здравствуйте, лимитрофы несчастные! Читали, какъ нашъ Гардингъ отбрилъ въ нотѣ большевиковъ? . .

— Почему это онъ «нашъ»?

— Гардингъ-то? А какъ-же: нашъ, американскій. Мы, американцы, вообще...

— Васька! Да неужто ты американецъ?!

— Уэсъ! Кисъ ме квикъ, какъ говорятъ у насъ въ Бѣломъ Домѣ. Сода-виски! Отнынѣ моя личность неприкосновенна! О, Гейша, пой, играй, пляши.

Ударилъ себя несчастный Петръ Петровичъ въ грудь такъ, что по Тверской загудѣло:

— Да не будетъ же того, чтобы я въ русской православной Москвѣ не нашелъ русскаго человѣка. Эй, вы, господинъ прохожій! На минутку... Вы русскій подданный?

— Такъ точно. Чѣмъ могу служить?

— Золото мое! Дайте я васъ поцѣлую! Единственнаго русскаго по всей Тверской нашелъ. Пойдемъ со мной, распишешься. Коробку спичекъ за это подарю! Вы свободны?

— Гм... Собственно, я немного занятъ.

— Такъ я васъ тутъ, на тумбочкѣ, подожду.

— Гм... Едва ли вы дождетесь.

— Да вы куда идете-то?

— Иду по вызову въ ГПУ, извините, разстрѣливаться.

* * *

Три дня у Петра Петровича шли переговоры съ голландцемъ Драпкинымъ, южно-африканцемъ Пантюхинымъ, испанцемъ Гусевымъ и другими...

На четвертый день Петръ Петровичъ выѣхалъ въ Тулу.

Ему сообщили, что въ Тулѣ на Самоварной улицѣ у сапожника Водопьянова живетъ подмастерье, и будто бы отецъ этого подмастерья — русско-подданный.

Монументальное

Если бы тысяча безсмертныхъ дураковъ собралась купно, и тысячу лѣтъ эта тысяча сочиняла тысячу самыхъ глупыхъ анекдотовъ, то на всемірномъ конкурсѣ — первый призъ за самый глупый анекдотъ получилъ бы:

— «Авторъ проэкта памятника III-му Интернаціоналу въ Москвѣ».

Прошу еще разъ внимательно вчитаться въ этотъ безсмертный памятникъ пролетарскаго ґенія.

По свѣдѣніямъ «Правды» памятникъ будетъ представлять собой «колоссальную постройку изъ камня и стекла, высотою въ 650 футовъ, состоящую изъ четырехъ вращающихся частей, расположенныхъ другъ подъ другомъ. Нижняя часть въ формѣ куба — будетъ служить помѣщеніемъ исполнительнаго комитета III Интернаціонала и будетъ совершать полный оборотъ въ теченіе года. Слѣдующая часть, въ видѣ пирамиды, будетъ совершать полный оборотъ въ теченіе мѣсяца. Третья часть въ формѣ цилиндра будетъ совершать свой оборотъ въ сутки. Наконецъ, четвертая продѣлаетъ оборотъ въ теченіе часа».

Для пьянаго человѣка эти башни, налѣпленныя одна на другую и вращающіяся — одна въ годъ, дру-

гая въ мѣсяцъ, третья въ день, четвертая въ часъ, — эти башни могутъ быть для пьянаго человѣка самымъ жуткимъ головокружительнымъ кошмаромъ...

— Крутишься, сволочь?.. И такъ всѣмъ головы на сторону скружили, а тутъ еще башню вертячую посередь дороги поставили... Постой, вотъ я тебѣ по цилиндру какъ ахну!..

* * *

Я сидѣлъ дома, вертѣлъ въ рукахъ прочитанную газету и думалъ какъ разъ о томъ, о чемъ написалъ выше.

Въ дверь постучались.

— Антрэ! — отозвался я.

— Чиво?

— Я говорю — войдите.

— Это дѣло десятое.

Рыжій дѣтина протискался бокомъ въ комнату и, шаркнувъ ножищей, сказалъ:

— Дозвольте рикимендоваться: механикъ-самоучка Веденей Гориловъ.

— Чѣмъ могу служить?

— Такъ что — затираютъ. Всякая тебѣ тля дорогу перешибаетъ. Слыхали про московскій интернаціональный памятникъ?

— Только что сейчасъ прочелъ.

— Вотъ вы и возьмите во вниманіе: Луначарскій еще о прошломъ годѣ собралъ всѣхъ насъ, механиковъ, да и говоритъ намъ: «А что, ребята-товарищи, вы бы не загвоздили памятничка почуднѣе для-ради третьяго интернаціоналу»?

— «Что-жъ, — отвѣчаемъ, — дѣло возможное».

— «И чей, говоритъ, памятникъ будетъ почуднѣй, — тотъ получитъ первую категорію по пайку, вельветовые штаны, три фунта убоины и картину голландской школы съ Третьяковской галлереи». Однимъ словомъ, выяснилось для насъ дѣло оченно подходячее... Засѣлъ я въ особнякъ княгини Голицыной и сталъ думать, сталъ думать и удумалъ я такое, что не приведи Господи!

— А что именно? — съ любопытствомъ спросилъ я.

— А вотъ этакое: стоитъ на площади огромадная бетонная манжета, и изъ ее выходитъ чугунная рука, вся на шарнирахъ, дрянь этакая — въ любую сторону гнется — только давани кнопочку. И у этой рукѣ, какъ полагается, пять пальцевъ. Въ мизинцѣ по числу сгибовъ три комнаты и тамъ помѣщается малый совѣтъ Совнаркомовъ, въ безымянномъ — три комнаты и тамъ средній совѣтъ Совнаркомовъ, въ среднемъ большой совѣтъ, такъ что залъ засѣданій въ самую ладонь въѣхалъ; въ указательномъ — помѣщеніе для Пролеткульта, а въ большомъ, понятное дѣло, Чрезвычайка. И еще выдумалъ я такое: на разсвѣтѣ вся пятерка растопырена, а какъ солнышко взошло, — такъ указательный палецъ машинкой скрючиваетъ, онъ, проклятый, пригибается къ большому, большой за его цѣпляется, и получается огромадный щелчокъ въ самое небо, потому, какъ вамъ извѣстно, большевики съ Богомъ не особо въ ладахъ,—на, молъ, дѣдушка, получай!

Послѣ-же того, руку мою у сгиба начинаетъ карежить,—карежить и поворачиваетъ къ полудню на

западъ ладошкой вверхъ, будто, дескать, мы у запада товарообмѣна просимъ. Потомъ черезъ часикъ-другой, когда мы будто товаръ отъ ихъ получили, — рука закручивается назадъ, большой палецъ въѣзжаетъ между указательнымъ и среднимъ, и выходитъ такъ, что они отъ насъ за товаръ кукишъ имѣютъ. Этакъ — кукишкомъ стоитъ памятникъ часъ. А послѣ того, большой палецъ лѣзетъ обратно, всѣ пальцы скрючиваетъ въ кулакъ — и начинаетъ кулакъ качаться со стороны въ сторону, — это, такъ сказать, для населенія. Чтобъ оно не очень много о себѣ воображало. А вечеромъ большой палецъ, у ногтѣ котораго Чрезвычайка, отдѣляется отъ остальныхъ, пригибается къ землѣ и, прижавшись къ троттуару, какъ клоповъ давитъ всѣхъ — кто тамъ ни сидитъ! Вотъ оно, господинъ, какъ я удумалъ!! Нешто, плохо? А они меня чуть не къ стѣнкѣ, — ты, говорятъ, смѣешься, что ли, сволочь?! А я, ей Богу, хотѣлъ, какъ лучше... Вы-бъ господинъ товарищъ, хучь написали бы въ газетѣ, заступились. Потому у насъ, — самыхъ мозговитыхъ всякая шпана затираетъ.

Цѣль моей жизни — помогать угнетеннымъ и заступаться за обиженныхъ.

Обѣщалъ рыжему парню возвысить печатно въ его пользу свой голосъ.

Вотъ — возвысилъ.

„Коммуненокъ“

Недавно одинъ бѣженецъ изъ Совдепіи привезъ мнѣ въ подарокъ номеръ дѣтскаго коммунистическаго журнала, типа «Игрушечки», «Задушевнаго слова», «Тропинки» или «Галченка» — подъ названіемъ:

— «Коммуненокъ».

Такъ какъ во всякомъ повременномъ изданіи — даже для дѣтей, — отражается жизнь страны, — я позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько самыхъ характерныхъ выдержекъ, дабы познакомить читателя съ тѣмъ, «какъ живетъ и работаетъ совдепская дѣтвора»...

* * *

На первой страницѣ извѣстная картинка: двое дѣтокъ надъ пропастью беззаботно тянутся за бабочкой, сзади ангелъ-хранитель въ бѣлой одеждѣ съ крыльями заботливо охраняетъ ихъ.

Подпись:

— «Пролетарскій ангелъ не допуститъ, чтобы наши дѣти ринулись въ бездну буржуазныхъ сладкихъ посуловъ. Дѣти, организуйтесь въ ячейки!»

За рисункомъ на слѣдующей страницѣ — дѣтскіе стихи.

Дѣти, въ школу собирайтесь,
Пѣтушокъ пропѣлъ давно,
Завтра же въ постелькахъ, сколько
угодно, валяйтесь,
Пѣтуха родители съѣдятъ все равно!

И еще:

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.
Огонь тотъ —свободы!
Помѣщиковъ жгутъ:
Россіи народы
Свободу даютъ!

И еще:

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Куда же онъ скачетъ, куда такъ летитъ?
Въ коммунистическую ячейку записаться
онъ спѣшитъ!

* * *

За стихами слѣдуетъ проза, — маленькіе разсказы для дѣтей:

Добрый Володя

Мама дала Володѣ на леденцы полтора милліарда рублей. Идетъ нашъ Володя и думаетъ:

— На половину куплю четверть фунта леденчиковъ, а за вторую половину пойду въ театръ на пьесу Анатолія Луначарскаго «Королевскій брадобрей».

Вдругъ видитъ Володя на перекресткѣ плакатъ: «Товарищи! Жертвуйте на пропаганду коммунистическихъ идей въ отсталыхъ странахъ».

Сладко дрогнуло сердце Володи, и понялъ онъ тутъ, что есть на свѣтѣ нѣчто выше леденцовъ и прочихъ удовольствій.

Вошелъ онъ въ Агитпросвѣтъ и робко протянулъ свои полтора милліарда.

И когда онъ вернулся домой и мама спросила, на что онъ истратилъ деньги, и онъ съ пылающимъ лицомъ бросился ей на грудь, и она узнала о его благородномъ поступкѣ, и потомъ пришелъ папа, то всѣ цѣловали нашего маленькаго героя, а одинъ родственникъ даже подарилъ ему книжку «Статистика роста коммунизма на Балканскомъ полуостровѣ».

Такъ всякое доброе дѣло бываетъ вознаграждено по заслугамъ!

Стихи
«Коммунизмъ на водѣ»

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И кораблики подгоняетъ...
Поглядите дѣти — вотъ
Какъ хорошъ нашъ красный флотъ!

Вопросы: Почему красный флотъ побѣждаетъ не только на водѣ, но и на сушѣ? Любите ли вы красныхъ матросовъ? Хотѣли бы вы сами быть краснымъ матросомъ? Какъ, по вашему, истребить гидру контръ-революціи?

Стойкое сердце

Жили были пролетарскій рабочій мальчикъ Коля и сынъ соглашателя Гриша. Отецъ Коли зараба-

тывалъ, какъ рабочій, буквально гроши, около 70 милліардовъ въ годъ, а Гришинъ отецъ саботажемъ и соглашательствомъ зарабатывалъ триллiоны.

Однажды оба мальчика встрѣтились:

— Будь и ты соглашателемъ, — предложилъ прогнившій отпрыскъ мірового буржуазіата. — Саботируй, и ты будешь съ нами жить въ раззолоченныхъ палатахъ. Поступай въ нашу бѣлогвардейскую банду!

— Нѣтъ, — сказалъ Коля. — Лучше за 70 милліардовъ въ годъ глотать черствый кусокъ хлѣба, но состоять въ коммунистической ячейкѣ, чѣмъ ѣсть роскошную конину и картофель, но пожертвовать своей пролетарской идеологіей!

И запѣлъ мелодичнымъ голосомъ:

— Отречемся отъ стараго мі-іра,

Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!..

— И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой — внимали той пѣснѣ святой.

Дѣти! Будьте Колями, но не будьте Гришами. Организуйтесь, дѣти, въ ячейки!

Партійныя сообщенія

2-го числа въ 10 часовъ утра выборы учителя ариѳметики. Товарищи, захватывайте ваши мандаты!

Въ 12 часовъ дисциплинарный судъ надъ Рюхинымъ Андреемъ, уличеннымъ товарищами въ томъ, что онъ поздоровался съ инспекторомъ. Товарищи! будемъ безпощадны!

Въ потребилкѣ 7-й пролеткульской школы получены папиросы и кокаинъ. Выдача только взрослымъ, не моложе 11 лѣтъ. Представляйте мандаты!

* * *

По примѣру «Задушевнаго Слова» въ «Коммуненкѣ» есть и отдѣлъ «Переписки юныхъ читателей». Напримѣръ:

Дорогая редакція! У насъ ночью замерзли два дворника: Игнатъ и Семенъ. Напишите, дорогіе товарищи, у кого еще дома замерзли дворники и какъ ихъ зовутъ.

Кока Подрайоновъ, 9 лѣтъ.

Милая редакція! У меня была хорошенькая кошечка Буська, а вчера она пропала. Никто не знаетъ, гдѣ она, только дѣдушка ходитъ все и облизывается. Не знаетъ ли кто, гдѣ я должна ее искать?

Муся Ячейкина, 8 лѣтъ.

Отъ редакціи: По нашему мнѣнію, здѣсь не безъ дѣда... Организуйтесь, дѣти!

Дорогіе товарищи! Вчера меня мама чуть не убила. Уходя, приказала затопить печку, что я и исполнилъ: открылъ водопроводный кранъ и затопилъ не только печку, но и все остальное. Оказывается же — печку нужно затоплять не такъ. Напишите мнѣ, милые товарищи, какъ еще можно затопить печку безъ воды?

Вова Чрезвычаевъ, 9 лѣтъ.

Милые товарищи! Организуетесь ли вы? Я уже сорганизовался. Папа обѣщалъ мнѣ елку и сказалъ, что, если не найдетъ украшеній, то повѣсить на елку первое, что подвернется ему подъ руку. Теперь я отъ него прячусь. Сосѣдній приказчикъ и наша кухарка образовали ячейку. Товарищи, напишите у кого изъ васъ сыпной тифъ?

Абрамчикъ Комиссаріатскій, 6 лѣтъ.

Дорогая редакція! У насъ вчера дома былъ семейный праздникъ по случаю того, что у папы оказалась грыжа и ему не надо идти на доблестный красный фронтъ. Гости поднимали бокалы за его болѣзнь. Напишите, товарищи, у кого изъ васъ папа съ грыжей и на какихъ дровахъ вы варите обѣдъ. Мама вчера варила на ножкѣ отъ ломбернаго стола и на двухъ рамкахъ корельской березы. Сообщите также, можно ли ѣсть ячейку?

Зюзя Кстѣнкинъ, 10 лѣтъ.

Новая Пасха

Раньше были свои праздничныя обиды и огорченія:

— Господи! Опять наступаетъ Пасха! Опять напяливай фракъ, лаковые ботинки и ходи, какъ дуракъ, отъ Петра Григорьевича къ Зоѣ Николаевнѣ, отъ Подстеги Петровны къ Чорту Ивановичу! И хоть-бы не угощали, канальи! А то вѣдь какъ съ ножемъ къ горлу!—«Индѣечки кусочекъ!» — «Спасибо, сытъ. Не могу!» — «А вы черезъ «не могу!» — «Увольте!» — «Ни-ни-ни! И мадеркой запейте! Или коньячкомъ? А если нашего кулича и творожной пасочки не попробуете, то хозяйка и вовсе обидится! Ну, кусочекъ! Ну, полъ кусочка!» —

— Ахъ, чтобъ ты лопнулъ со своимъ кусочкомъ! Сытъ уже, не лѣзетъ, а ѣшь! Плачешь, а ѣшь! Рыдаешь въ душѣ, а пьешь: и дрей-мадеру, и го-сотернъ и доппель-кюммель! За что они меня будутъ мучить? За какую провинность напихаютъ въ брюхо и во всѣ карманы яицъ: желтыхъ, красныхъ, зеленыхъ; всмятку и въ крутую; шоколадныхъ, деревянныхъ, сахарныхъ — за что? А не возьми я его яйца — за личное оскорбленіе приметъ!

Еще бывали и такія обиды:

— Фитюковъ то, а? Ну не каналья? Не Іуда-предатель? Даже не нашелъ нужнымъ на Пасху визитъ сдѣлать!.. Что-же зря я, что ли, хорошихъ куличей напекла, столько, что и дѣвать некуда?!. Зря я по всѣмъ лавкамъ бѣгала, чтобы самый сочный окорокъ купить? Нѣтъ, я того мнѣнія, что этотъ самый Фитюковъ — форменный подлецъ. Сегодня онъ съ визитомъ не пришелъ, кулича не попробовалъ, стаканъ вина у меня не выпилъ, завтра онъ кассу чужую взломаетъ, а послѣзавтра уже и человѣка ему не трудно зарѣзать! Рукой подать!

* * *

У нынѣшнихъ людишекъ россійскихъ тоже есть свои обиды и огорченія, но совсѣмъ иного сорта:

— Гм! Вотъ наступаетъ Пасха, а куда-бы мнѣ пойти разговѣться — и не знаю... Правда, куличи теперь всюду дрянь: сдѣланы изъ кукурузной продмуки и замѣшаны на ком-ячейкѣ, а, всетаки, заглотать бы кусъ въ полфунтика — было бы совсѣмъ не вредно. Да при этомъ-же еще и рюмочку спирта изъ машинки для завивки волосъ! Да куда пойдешь-то? Переплетовы заграницу бѣжали, Прыгуновыхъ въ расходъ вывели, *) Пеликановы — онъ и она въ че-ка сидятъ... Въ прошломъ году сунулся я было къ Мясоѣдовымъ, дескать, поздравлю, выпью и закушу, все честь честью... такъ что-жъ они сдѣлали?!. Завалили входную дверь матрацами да и отсиживались такъ три дня. Хотѣлъ я на крышу влѣзть, да по водосточной трубѣ спуститься, да черезъ окно

*) Разстрѣляли.

и явиться къ нимъ съ визитомъ, будто нечаянно по дорогѣ на огонекъ зашелъ, но ничего не вышло: зимнія рамы у нихъ были еще не выставлены, и чуть я съ трубы не сорвался. Да! Трудно нынче визитеру обычаи сѣдой старины исполнять. А впрочемъ, попытаюсь къ Бѣлобоковымъ завернуть: авось, если кухаркѣ милліардишко въ руку сунуть, — она черезъ черный ходъ пуститъ!

А у Бѣлобоковыхъ тоже тревога, тоже сумятица:

— Ну, держись, Марья! — угрюмо говоритъ Бѣлобоковъ женѣ. — Нынче визитеръ сильно долженъ напирать. Обголодали очень. Боюсь, какъ бы они не сорганизовались. Раньше-то, когда въ одиночку ходили — легко его, подлеца, было отшить, а теперь они, говорятъ, стаями стали ходить, какъ голодные волки... Одна партія даже пулеметъ завела. Не пустишь, — такъ и начнутъ по фасаду очередями!

Въ комнату, запыхавшись, влетѣлъ выставленный на улицу махальный, — сынишка Бѣлобоковыхъ:

— Идетъ! Прямо къ намъ вотъ такъ и идетъ... Синій весь, глаза горятъ и зубами щелкаетъ...

— Запирай двери!! Гаси огни! Петька на парадную! Заваливай тюфяками! Кухарка! Если черезъ кухню пропустишь — убью, какъ собаку. Всѣ въ погребъ! Забирай провизію, можетъ такъ три дня отсиживаться придется. Этотъ Фитюковъ правильную осаду способенъ повести. Обложитъ насъ и будетъ изводить ночными атаками. Петька! Тебѣ поручаю окно, что около сосѣдняго балкона. Будетъ лѣзть — бей его по головѣ цвѣточнымъ горшкомъ!

До ночи сидѣли въ мрачномъ, сыромъ погребѣ.

А ночью маленькая Катя открыла слишіеся отъ

сна глазки, вглядѣлась при свѣтѣ сальной свѣчки во что-то, и пролепетала:

— Вонъ чолтъ. Чолтъ плишолъ!

— Гдѣ чортъ? — испугалась мать... —Что ты милая?

Изъ угла выдвинулась какая-то черная фигура и любезно сказала:

— Простите, Марья Кондратьевна, это никакой не чертъ, а я, — Фитюковъ. Зашелъ по дорогѣ къ вамъ съ визитомъ, съ праздничкомъ поздравить... Вы не смотрите, что я такой черный... Это я по дорогѣ завернулъ къ вамъ, черезъ дымовую трубу. Звонокъ у васъ, очевидно, испорченъ... хе-хе... Такъ вотъ я съ крыши... Признаться, проголодался ужасъ какъ. Сейчасъ бы кулича хорошій кусъ, да ветчинки. Какъ вы на этотъ счетъ смотрите, многоуважаемая?

— Видите-ли... у насъ ничего нѣтъ... не достали... Скажите, гдѣ были у заутрени?

— Дайте!

— Ни крошечки нѣтъ! Гдѣ были у заутрени?

— А тебѣ какое дѣло, бабьё разнесчастное?.. Такъ ничего, говоришь, нѣтъ? Эй, Митька! Степа! Всѣ сюда — ищи! Ищи, чѣмъ бы разговѣться!!.

Топотъ многочисленныхъ ногъ наполнилъ сердца хозяевъ леденящимъ ужасомъ.

— Пощадите! — пролепеталъ Бѣлобоковъ.

— Намъ, братъ, васъ щадить — сами ноги протянемъ! Шарь по всѣмъ угламъ! Это что? Куличъ? И полъ-курицы? Стой, держи хозяина, — кусаетъ за ногу! Свяжите его, пока мы разговѣемся, поздравимъ хозяйку съ праздничкомъ...

— Чтобъ вы подавились!

— Нечѣмъ и давиться тутъ! Какъ котъ наплакалъ... Въ землѣ ничего не зарыто? Будь-бы время, полъ бы взрыли, — да некогда: еще къ Мясоѣдовымъ нужно спѣшить — поздравить съ праздничкомъ. А то я ихъ знаю: не придешь съ визитомъ, — въ претензіи будутъ. А не пустятъ — ручную гранату въ дверь брошу!!!

— Будете вы сидѣть за это, — прохрипѣлъ хозяинъ. —

— Ей-Богу, некогда сидѣть, — надо спѣшить.

— Я говорю — въ тюрьмѣ будете сидѣть!

— Подумаешь, важность! Всѣ тамъ будемъ. А пока — всего хорошаго. У кого разговлялись? Гдѣ были у заутрени? Да ты, собака, что за руку кусаешь?

Такъ пышно празднуетъ нынѣ коммунистическая Русь лучшій въ свѣтѣ праздникъ — Свѣтлаго Христова Воскресенія!

Опытъ

Когда государственному человѣку приходитъ въ голову какая-нибудь государственная идея, у него нѣтъ времени самому возиться съ разработкой деталей проекта.

Для этого есть спеціалисты, которые должны взять на себя черную работу.

Поэтому я нисколько не былъ удивленъ, когда получилъ отъ болгарскаго премьеръ-министра Стамболійскаго такого рода письмецо:

«Дорогой Аркадій Тимофеевичъ!

У меня есть проектъ — устроить «опытныя коммуны» для коммунистовъ. По моему проекту, слѣдовало бы огородить какое-нибудь мѣсто, напустить туда коммунистовъ, дать имъ машины, одежду и продовольствіе, а потомъ черезъ годикъ — взглянуть: какъ расцвѣтаетъ коммунизмъ въ этихъ идеальныхъ условіяхъ? Вотъ моя мысль въ сухой схемѣ. Прошу разработать детали».

Считая мысль Стамболійскаго не глупой, а предстоящую мнѣ разработку деталей очень заманчивой, — я съ головой погрузился въ работу...

— Везутъ, везутъ!

— Кого везутъ?

— А коммунистовъ!

— Что же ихъ вѣшать будутъ, что ли?

— Зачѣмъ вѣшать, дубовая твоя голова?! Это

Стамболійскій переноситъ ихъ въ идеальныя условія.

— А ограда зачѣмъ построена?

— Чтобъ со стороны никто не видалъ. Опять же — чтобъ не разбѣжались.

— Гляди, гляди, ребята, — въ клѣткахъ они!..

— А какъ же? Все расчитано! Каждую клѣтку вплотную подвезутъ къ воротамъ, потомъ откроютъ ворота, — чтобъ по бокамъ щелей не было, потомъ поднимутъ рѣшетку клѣтки, — они и выпрыгнутъ внутрь. Ни побѣга, ни скандала быть не можетъ.

— И какъ это, ей Богу, Стамболійскому не стыдно людей мучить?!

— Помилуйте, мадамъ, — какое же тутъ мученье?! Наоборотъ — Стамболійскій хочетъ поставить ихъ въ идеальнѣйшія условія. Вѣдь разъ они коммунисты — они должны быть въ восторгѣ отъ этой идеальнѣйшей коммуны. Всего предоставлено въ избыткѣ — устраивайся и процвѣтай!

— Да вѣдь они горло другъ другу перегрызутъ.

— Коммунисты- то? Эхъ, не знаете вы, мадамъ, коммунистовъ. Это настоящее братство на землѣ, — какъ въ раю жить будутъ!

Когда вытряхивали изъ воротъ первую клѣтку съ коммунистами — произошелъ инцидентъ, который можно было разсмотрѣть сквозь прутья клѣтки: одинъ дюжій парень растолкалъ всѣхъ другихъ внутри клѣтки, далъ кому-то по шеѣ, кого-то сбилъ съ ногъ и, вскочивъ въ ворота, закричалъ:

— Стопъ, товарищи! Я буду предсѣдателемъ совѣта народныхъ комиссаровъ!

— По какому праву? — обидѣлся другой коммунистъ.

— А вотъ по какому, что ты у меня еще поговори. Знаешь, что бываетъ за возстаніе противъ совѣтской власти? Товарищи! Прошу у меня регистрироваться. За нарушеніе — общественныя работы и мытье половъ въ казармахъ.

Къ вечеру всѣ клѣтки были опорожнены. Любопытная толпа стала задумчиво расходиться.

На другой день у внѣшней стороны ограды прохожій поднялъ записку, съ камнемъ внутри, для вѣсу:

— «Товарищъ Стамболійскій! Вы говорили, что дадите все, что ни въ чемъ нужды не будетъ — и обманули! А гдѣ же оружіе? Какъ же совѣтъ народныхъ комиссаровъ будетъ поддерживать порядокъ?? Пришлите срочно».

Оружіе послали — и ночью случайные прохожіе могли слышать, что въ присланномъ продуктѣ дѣйствительно была большая необходимость.

Одна стѣна ограды сдѣлалась совсѣмъ красной.

Вторая записка, перекинутая на волю черезъ мѣсяцъ, была самаго отчаяннаго содержанія:

— «Не хватаетъ машинъ и продуктовъ! Мы трестировали промышленность и соціализировали продукты сельскаго хозяйства — и всего оказалось мало! Считаемъ это обманомъ съ вашей стороны. Пришлите еще. Большая нужда въ машинахъ для печатанія кредитныхъ билетовъ, (прежнія износились), — и въ рулеточной машинѣ. Хотимъ государственнымъ способомъ ввести азартъ въ берега».

Несмотря на то, что на вторую записку Стамболійскій ничего не отвѣтилъ, — за ней, черезъ мѣсяцъ, послѣдовала третья:

— «Не хватаетъ людей! Людской матеріалъ расходуется, а притоку нѣтъ. Если можно, пришлите побольше буржуазіи. Товарищи коммунисты расхватали командныя должности, а надъ кѣмъ командовать — неизвѣстно! И работать некому. Съ буржуазіей же пришлите и патроновъ, въ виду угрозы буржуазнаго саботажа. Въ случаѣ отказа буржуазіи явиться къ намъ, — наловите ихъ побольше и пришлите.

Съ коммунистическимъ привѣтомъ — совѣтъ народныхъ комиссаровъ».

Четвертая и послѣдняя записка была всего въ три слова:

— «Настойчиво требуемъ интервенціи».

Прошелъ годъ.

Однажды Стамболійскій вдругъ вспомнилъ объ опытной коммунѣ и сказалъ:

— А какъ моя коммуна? Пригласите представителей общественности и прессы, — любопытно съѣздить и посмотрѣть внутрь, — что у нихъ тамъ.

Поѣхали.

Когда подошли къ воротамъ — внутри была тишина...

— Откройте ворота!

Не успѣли открыть воротъ, какъ оттуда выскочилъ человѣкъ съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ и помчался по полю, оглашая воздухъ страшными криками:

— Городовой! Городовой!..

За нимъ вылетѣлъ другой, держа въ рукѣ ножъ и крича первому:

— Стой, дуракъ! Куда ты? Я только кусочекъ. Что тебѣ правой руки жалко, что ли?

Ихъ поймали.

— Куда вы бѣжали? Кто этотъ другой?

— Это командующій вооруженными морскими и сухопутными силами. Онъ хотѣлъ меня съѣсть.

— Сумасшедшій, что ли?

— Какой сумасшедшій, — ѣсть нечего!

— Позвольте! А ваша промышленность?! А сельское хозяйство?! А мои продукты?!

— Пойдите, поищите. Сначала соціализировали, потомъ націонализировали, потомъ трестировали, такъ все и поѣли.

— А гдѣ же остальные?

— Да вотъ остальныхъ только двое. Третьяго дня пообѣдали предсѣдателемъ комитета по распредѣленію продуктовъ, — послѣдняго доѣли.

— А почему изъ воротъ такая вонь?

— Ассенизаціи не было! Всѣ сдѣлались предсѣдателями, а городъ чистить некому.

Стамболійскій закрылъ носъ надушеннымъ платкомъ, который ему дала сердобольная дама, покачалъ головой и задумчиво сказалъ:

— Такая была простая идея, — устроить «опытную коммуну», — и только одному мнѣ она пришла въ голову. Закройте ворота. Оттуда тифомъ несетъ.

Отъ автора:

— Надѣюсь, мой дорогой читатель согласится, что детали проекта Стамбулійскаго разработаны мною совершенно точно.

Скорая помощь

Если бы одна изъ міровыхъ конференцій происходила не въ роскошномъ палаццо, украшенномъ бронзой, мраморомъ и коврами, а происходила бы она на берегу честной русской рѣки, то вотъ бы какъ протекали ея засѣданія по русскому вопросу.

* * *

Пустынный, непривѣтливый, унылый берегъ рѣки...

Въ рѣкѣ тонетъ человѣкъ.

Его судорожно сжатая рука то показывается на поверхности воды, то снова скрывается, а когда изъ воды на нѣсколько секундъ показывается голова, — тихій воздухъ оглашается страдальческимъ воплемъ.

На берегу кучка людей.

Разсѣлись на камушкахъ, смотрятъ.

Кто посасываетъ коротенькую трубочку, кто жуетъ табакъ, кто затягивается сигарой.

Смотрятъ.

— Сэръ! Никакъ тамъ человѣкъ въ водѣ?

— Да, мусью, онъ, кажется, тонетъ.

— Да, и мнѣ тоже кажется. Для простого купанья это слишкомъ судорожно.

— Я думаю, онъ просто въ водоворотъ попалъ. Какъ вы думаете, какой онъ національности?

— Безусловно русскій!

— Н-да... Нѣтъ ли огонька, сэръ? Проклятая сигара второй разъ тухнетъ.

— Сдѣлайте ваше такое одолженіе. Гм... да! А вѣдь, знаете, можетъ потонуть человѣкъ!

— И очень просто.

— А хорошо бы спасти его, а?

— Замѣчательно-бы.

— Взять бы да вытащить!

— Да на сухое бы мѣсто!

— Да суконкой бы его хорошенько растереть!

— Да коньяку бы ему влить въ ротъ!

— Пожалуй, я бы суконку далъ!

— А я бы коньяку полбутылочки пожертвовалъ!

— Ну?..

— Что ну?..

— Вся остановка за тѣмъ, что вытащить его надо.

— Еще бы не надо. И какъ еще надо!

— Взять бы за волосы...

— Ну, что вы. Какъ же можно такой некультурный способъ! Да позволь я себѣ сдѣлать такую грубость — рабочая партія въ нашей Палатѣ такой бы запросище двинула!

— Тогда, можетъ быть, сдѣлаемъ такъ: бросимъ ему въ воду и суконку и коньякъ — пусть самъ разотрется и выпьетъ.

Бросили.

— Не долетѣло. Видите, потонуло.

— Н-да! Если бы у меня не новый френчъ, да не холодная бы вода, я бы...

— Знаете что? Мысль! Давайте бросимъ ему спасательный кругъ?

— А гдѣ онъ?

— Онъ въ сторожкѣ у стараго сторожа.

— А сторожъ гдѣ?.. Дома?

— Нѣтъ, онъ въ гостяхъ у знакомыхъ.

— Не пошелъ ли онъ въ таверну «Рыбій глазъ», въ Нижнемъ Городѣ, а если его и тамъ нѣтъ, надо искать у его сестры. А, можетъ, и у зятя. Можно сначала послать къ его знакомымъ, — нѣтъ его тамъ, — пошлемъ въ таверну, нѣтъ въ тавернѣ — къ сестрѣ, нѣтъ у сестры — къ зятю.

— Значитъ, сторожка заперта?

— Заперта. А нельзя ли взломать дверь? А то, того и гляди, этотъ потонетъ!

— Что вы, какъ же можно ломать чужую дверь? Давайте пошлемъ за ключомъ къ сторожовымъ знакомымъ!

— А если онъ уже оттуда ушелъ?

— Значитъ, въ тавернѣ.

— А кого мы пошлемъ?

— А вотъ мальчишка бѣжитъ. Эй, мальчикъ, алло! Стараго сторожа изъ сторожки, въ которой спасательный кругъ — знаешь? Возьми у него ключъ отъ спасательнаго круга. Для этого пойди сначала къ знакомымъ, потомъ въ «Рыбій глазъ», нѣтъ его тамъ, — пойди къ зятю, потомъ къ сестрѣ...

— Сейчасъ не могу; для мамы въ аптеку бѣгу.

— Вотъ, оселъ то! Ну, сбѣгай въ аптеку, отнеси лекарство, а потомъ и иди за сторожемъ!

Когда мальчикъ скрылся съ глазъ, кучка людей успокоилась и снова вернулась къ безмятежному куренью, жеванью и посасыванью.

— Сэръ!

— Мусью?..

— Я думаю, что мы сдѣлали все, что могли.

— О, yes!

— Мы не вытащили его за волосы!

— Потому что это было бы насиліемъ!

— Мы не взломали двери сторожки!

— Потому что это было бы незаконом'рно!

— И, наконецъ, бросили ему суконку и коньякъ!

— Не наша вина, что все это потонуло!

— Глядите ка! Не кажется ли вамъ, что пузыри пускаетъ?

— Конечно: это отъ удовольствія, что помощь близка. . . . . .

Стараго сторожа нашли только къ вечеру.

На пленарномъ засѣданіи конференціи.

Избранникъ рабочей партіи, — онъ, какъ разъ, въ этотъ день произносилъ очередную рѣчь, посвященную возрожденію Россіи.

Гибель Козявкиныхъ

Жила была въ Москвѣ простая русская семья — Козявкиныхъ. Однимъ словомъ семья, какъ семья, короче говоря:

— Совѣтская буржуазная семья, —

А еще короче говоря:

— Совсемья совбуровъ.

Вотъ сидѣла однажды эта семья за утреннимъ чаемъ, или, короче говоря, за какой то мутной бурдой изъ смѣси сушеной малины и лавроваго листу, а вмѣсто сахару ѣли черный, осиный медъ.

Въ одной рукѣ отецъ семейства держалъ кусокъ хлѣба, въ другой газету.

Хлѣбъ былъ грязный, какъ мочалка, и газета была грязная, тягучая, какъ мочалка.

Жена перемывала стаканы, сдѣланные изъ пивныхъ бутылокъ, и перетирала ихъ кускомъ кретона, отодраннаго отъ дивана.

— Вотъ тебѣ, — сказалъ мужъ, — опять этотъ идіотическій Ленинъ талдычитъ о продналогѣ. Ограбили бѣдныхъ мужичковъ соверш.....

Жена пошевелила головой и сдѣлала молніеносный знакъ глазами...

Мужъ испуганно оглянулся: за спиной его стояла кухарка.

— Да... взялъ Ленинъ у этихъ проклятыхъ мужичишекъ хлѣбъ, — такъ имъ и надо: пусть подыхаютъ, — лишь бы жила и благоденствовала симпатичная совѣтская власть!.. Такъ-то, Анисья, голубчикъ...

— А на обѣдъ чего? — угрюмо спросила Анисья.

— Откуда же мы знаемъ, — пожала плечами жена, щекоча пальцемъ лежащаго на подоконникѣ худого кота. — Что сегодня выдаютъ въ очереди? Картошку и мыло? Ну, значитъ, обѣдъ изъ картошки.

—Это что-жъ, мнѣ, значитъ, пять часовъ въ очереди стоять? — еще угрюмѣе спросила Анисья. — И когда-же все это кончится?! — вдругъ завыла она въ голосъ, — при царѣ-то и картошка была, и говяда, и хлѣбъ чистый бѣлый, а какъ это жулье поналѣзало...

Она вдругъ опомнилась, пугливо покосилась на хозяевъ, и закончила:

— А какъ пришла народная коммунистическая власть — такъ и намъ, народу, вздохнулось легче. Что намъ — царь? Имперлистъ и больше ничего! Да Ленинъ то нашъ, можетъ, почище всякаго царя, — вотъ вамъ что!

Вошла свояченица, кутаясь въ мужское пальто.

— Въ комнатѣ у меня, — сказала она, — такой холодище, что носъ изъ подъ одѣяла трудно высунуть... Дровъ — ни полѣна! И когда, наконецъ, этихъ мерзавцевъ-коммунистовъ чертъ унесетъ!!

Хозяинъ поглядѣлъ на нее и сдѣлалъ незамѣт-

ный знакъ, указавъ глазомъ на Анисью. Сестра ея мигнула на Анисью и мужа, а Анисья, въ свою очередь, приложила палецъ къ губамъ и указала подбородкомъ на хозяйку.

— Я, собственно, не противъ совѣтской власти, — поправилась сестра хозяйки. — Конечно, въ недостаткѣ дровъ повинны только бѣлогвардейскія банды! Но Ленинъ не правъ въ томъ, что слишкомъ ослабилъ терроръ... Или нѣтъ, онъ — правъ! Виноваты Милюковъ и Бурцевъ...

Вошелъ сынишка — Костя.

Онъ, первымъ долгомъ, подскочилъ къ столу, сунулъ палецъ въ осиный медъ и облизалъ.

— Ты чего не въ училищѣ? — спросилъ отецъ.

— А чего я не видѣлъ въ этомъ сумасшедшемъ домѣ?! Только и заставляютъ пѣть ихній паршивый Интернаціоналъ и молиться на портретъ этого сволоча Левки Троцкаго...

Ужасъ написался на всѣхъ лицахъ: мама кивнула на Анисью, Анисья — на папу, папа — на маму, мама — на тетю, — и всѣ отвернулись другъ отъ друга.

— ... Конечно, я не спорю, — добавилъ Костя, — что Левъ Давидовичъ Троцкій почти геніальный человѣкъ и добрый геній Россіи... А «Интернаціоналъ» — этотъ бодрый гимнъ пролетарскаго народа... который... А ну васъ всѣхъ къ чорту!...

Онъ швырнулъ на столъ недожеванную корку хлѣба, заплакалъ и выбѣжалъ, хлопнувъ дверью.

— Вы на него не обращайте вниманія, Анисьюшка, — робко сказалъ отецъ. — Онъ такъ переутомился, что совсѣмъ, какъ помѣшанный...

— Да и я ничего такого не сказала, — возразила Анисья. — Мнѣ то что? Очередь, такъ очередь! Постоимъ и въ очереди, — лишь бы хорошо жилось Совнаркому. Вотъ что-съ!

И вышла.

— А я на счетъ дровъ продолжаю повторять, что не будь бѣлогвардейскихъ бандъ — и все было бы замѣчательно! Вотъ все, что я хотѣла сказать!..

И свояченица тоже вышла.

— Пойду и я на службу, — вздохнулъ мужъ. И добавилъ, опасливо поглядывая на жену: — А ты... никуда не пойдешь? Смотри же! Вѣдь я тоже ничего такого не сказалъ. Не спорю, есть нѣкоторыя неурядицы, но почему? Потому что власть еще въ періодѣ мощнаго строительства. Кстати, напомни мнѣ вечеромъ, чтобы выпоротъ Котьку.

— Обязательно! Всетаки, это лучше, чѣмъ тащить мальчишку въ че-ка.

И она вышла вслѣдъ за мужемъ.

* * *

Котъ остался въ комнатѣ одинъ. Онъ оглядѣлся, вспрыгнулъ на столъ и сталъ принюхиваться. Сочно выругался:

— Буржуи собачьи! И медъ и хлѣбъ — все слопали! Коту хоть-бы крошку оставили. Ну, ладно же! Вспомните вы меня...

Вышелъ въ переднюю, оттуда на кухню, изъ кухни чернымъ ходомъ во дворъ, на улицу — и побрелъ, крадучись вдоль стѣнъ.

Вошелъ во дворъ Че-ка, пробрался къ комисса-

ру, вспрыгнулъ ему на письменный столъ и сказалъ:

— Честь имѣю донести, что, состоя жильцомъ въ семьѣ Козявкиныхъ, сегодня слышалъ своими ушами, какъ вся семья поносила всячески совѣтскую власть: мужъ, жена, сынъ Котька, свояченица и даже эта толстая дура —Анисья. Разстрѣляйте ихъ всѣхъ, а мнѣ за информацію прошу выдать полъ фунтика печонки... Жить-то вѣдь надо, не подыхать же съ голоду!

Когда Козявкинскій котъ возвращался домой, на мордѣ у него было сознаніе исполненнаго долга, а на усахъ остатки печонки.

— Печоночки подъѣлъ,—думалъ онъ разнѣженно, — да, пожалуй, когда нашихъ поведутъ въ Че-ка — на кухнѣ кой-что раздобуду. Не плохо живется умному коту въ свободной странѣ. Вообще, здоровый эгоизмъ, — великое дѣло!

Тоска по родинѣ

Гнилая константинопольская погода. Съ неба падаютъ рѣдкіе капли скуднаго дождя, будто кто-то сверху брызгаетъ облысѣвшимъ кропиломъ. Надъ крышей что-то взвизгиваетъ и реветъ: очевидно, это черти украли христіанскую душу и никакъ не могутъ ее подѣлить.

Но въ ночлежкѣ, гдѣ на нарахъ сгрудились нѣсколько русскихъ — тепло. Даже душно. Не спится. Идетъ тихій разговоръ, часто прерываемый длинной лѣнивой зѣвотой.

— Сволочи эти большевики! Какого чорта, изъ за нихъ я долженъ болтаться тутъ въ турецкой ночлежкѣ?! Кто я есть? Я есть русскій человѣкъ! Значитъ, я должонъ жить въ Россіи.

— Это ты вѣрно. Ежели ты, скажемъ, скрипка, то долженъ лежать въ скрипичномъ футлярѣ. А эти скоты засунули скрипку въ флейточный футляръ! Рази можно?

— Почему теперь — Рождество Христово — и дождь. Какъ такъ возможно? Я, можетъ быть, объ эту пору не переношу дождя. Мнѣ снѣгъ нуженъ...

— Хороши снѣга у насъ въ Москвѣ! Нормальные. Полозья скрипятъ, бубенцы на ванькиныхъ клячахъ звенятъ. Вотъ жилось! Я разъ это отъ Кур-

скаго вокзала въ Газетный переулокъ ѣздилъ — два пальца отморозилъ. Вотъ это была жизнь! Не жизнь, а масленица.

— А мы тоже разъ съ компаніей въ Петровскій паркъ ѣздили, а они возьми для смѣху и столкни меня въ снѣгъ! А сами — деру. Эхъ, жилось!!

— Ну, и что же?

— Насчетъ чего?

— Да вотъ въ снѣгу-то. Вѣдь, не до сихъ же поръ ты тамъ лежишь?

— Зачѣмъ до сихъ поръ? И часу не прошло — пьяные кущы подобрали. Воспаленіе легкихъ было.

— Чего же ты теперь радуешься, дуракъ?..

— Какъ же мнѣ не радоваться, если я тогда полтора мѣсяца у себя на Малой Кисловкѣ пролежалъ. Лежу въ чистенькой постелькѣ, докторъ каждый день, а въ окно — рябина въ снѣгу, а на снѣгѣ голубые брилліантики отъ солнышка горятъ. Тепло, въ печкѣ дрова гудятъ, а предо мной яички въ смятку и котлетка, только что изжаренная. И всѣ кругомъ говорятъ:

— Ахъ, мы, Семенъ Николаевичъ, такъ объ васъ безпокоились, такъ безпокоились!.. А теперь кто развѣ будетъ безпокоиться? Черта съ два!

— Да, мы, русскіе, больше къ русскому привыкши. Какая тутъ въ Константинополишкѣ была Пасха? Греческая мизерія! А тамъ, —какъ колокола зальются, забухаютъ, залепечутъ, — вѣкъ бы слушалъ! Хорошія времена...

— У меня во время Свѣтлой заутрени, помню, какъ-то хлюстъ портмонэ изъ кармана выдернулъ.

Тогда я, помню, поймалъ его за руку, да такъ похристосовался, что онъ у меня волчкомъ завертѣлся, а теперь бы...

— Чего теперь бы?

— А теперь бы я всѣ карманы ему самъ растопырилъ: бери, тащи, милъ человѣкъ, — только бы мнѣ еще хоть полчасика у Василія Блаженнаго со свѣчечкой постоять, колоколовъ послушать.

— А я смотрю такъ: вотъ попалъ я однажды тамъ, въ Москвѣ, въ участокъ — по пьяному дѣлу товарища по Кузнецкому на своей единоутробной спинѣ возилъ — такъ что жъ вы думаете? Далъ мнѣ околодочный два раза по шеѣ, дуракомъ назвалъ и въ какую ни на есть комнату посадилъ. Дѣйствительно, въ тѣ времена дуракомъ я былъ, потому что обидно мнѣ сдѣлалось и даже плакалъ. А теперь бы...

— Что жъ теперь? Самъ бы околодочнаго билъ, что-ли?

— Ну, дѣйствительно! Развѣ можно околодочнаго бить? Я его уважаю. А теперь бы, я годъ бы цѣлый у него въ участкѣ просидѣлъ и получалъ бы каждый часъ по шеѣ, и «дурака» бы съ моимъ удовольствіемъ выслушивалъ... Только бы мнѣ этимъ воздухомъ участочнымъ подышать. Крѣпкій духъ, но пріятный. Тутъ тебѣ и сапогомъ кожанымъ и махоркой и вообще. Родной это духъ, братцы вы мои, участочный, и ни на какой букетъ я его не промѣняю.

Кто то невидимый мечтательно дополняетъ:

— Въ Охотномъ ряду, тоже запахъ былъ невредный.

— У насъ въ Москвѣ и сирень пахнетъ лучше, чѣмъ гдѣ. Я разъ въ Петровскомъ паркѣ такъ то вотъ подъ сиренью сидѣлъ, вдыхалъ это самое... Вдругъ двое выскочили: «Скидавай, говорятъ, пиджакъ...» Чудесные ребята! Я бы съ ними сейчасъ даже пива въ Трехгорномъ выпилъ. Замѣчательныя были времена.

— Что жъ отдалъ?

— Чего?..

— А пиджакъ!

— Какъ же не отдать, если они вразъ за горло тутъ и штаны отдашь! Ей Богу, доведись такъ теперь — то я бы сейчасъ все время подъ сиренью сидѣлъ и пиджаки имъ отдавалъ.

Разсказчикъ, замѣтивъ молчаливое недоумѣніе слушателей, добавляетъ, какъ бы извиняясь:

— Небо очень голубое было. Чистое. Московское. Не жалко мнѣ пиджаковъ.

— Да, жилось благородно. Я тамъ одинъ журнальчикъ редактировалъ. Ну, и ахнулъ, однажды, что то очень неподходящее насчетъ Столыпина, Петра Аркадьевича. Приходитъ утромъ приставъ нашей части и такъ вѣжливо говоритъ: «Иванъ, говоритъ, Степанычъ, вотъ вамъ бумажка. Штрафъ въ 500 рублей за оскорбленіе въ печати высшихъ лицъ». Я тогда, признаться, выругался крѣпко, — потому что обидно 500 рублей платить, но вынимаю я деньги, — а онъ еще и извиняется. «Повѣрьте, говоритъ, если бы моя воля, — я бы ни за что, но распоряженіе начальства. Вы бы, говоритъ, Иванъ Степанычъ, были поосторожнѣе. Чертъ съ ними, пишите о чемъ-нибудь дозволенномъ, — хоть полицію ругайте, —

мы привыкши». И такъ этотъ приставишка растрогалъ меня, что палъ я ему въ объятья, и долго мы плакали, какъ два брата.

— Врешь ты все!

— Чего вру?

— А вотъ, что съ приставомъ въ объятьяхъ плакали.

— Это почему же вру, скажите на милость?

— Да потому, что не будетъ тебѣ приставъ плакать, хучь ты его озолоти. Они были серьезная, дѣловая публика.

— Ну такъ что?

— А то, что значитъ ты и врешь.

— Ну, хорошо, ну пусть вру, — но вѣдь трогательно?

— Трогательно то оно трогательно. Однако, надо бы уже и спать...

Всѣ кряхтя укладываются.

Рѣдкія капли, скатывающіяся съ невидимаго облысѣвшаго кропила, робко, съ подлой трусостью, постукиваютъ въ окна.

— Развѣ это дождь? — съ ядовитой улыбкой говоритъ человѣкъ, поймавшій вора у Свѣтлой Заутрени. — Нѣтъ, у насъ въ Россіи — вотъ это дождь!.. Какъ маханетъ тебя, — такъ либо ревматизмъ, либо насморкъ на три недѣли!.. Хорошо жить тамъ и нѣту другого такого подобнаго государства.

Совѣтскій словарь

Аристократъ. — По совѣтской орфографіи — Ористократъ. Потому, что ори русскій человѣкъ сто кратъ, ори двѣсти кратъ, — все равно Европа не услышитъ его.

Булка. — Круглый хлѣбъ, изготовляемый изъ лопуха, одуванчика и березовой коры. Двѣ булки считается пиръ, три булки — спекуляція.

Висѣлица. — Мѣсто, гдѣ Совнаркомъ будетъ чувствовать себя на высотѣ положенія.

Голодъ. — Пословица говоритъ: «голодъ не тетка, Че-ка не дядька. Ложись безъ пессимизма, да и подыхай во славу соціализма».

Дантонъ. — Старинный французскій большевикъ. Составленъ изъ двухъ словъ: данъ и тонъ. У насъ въ Россіи данъ тонъ изъ Берлина (1917г.)

Единъ Богъ безъ грѣха. — Фраза Луначарскаго, когда его поймали въ кражѣ изъ публичной библіотеки рѣдкихъ книгъ.

Жемчужныя серьги. — Государственный фондъ, добываемый изъ ушей съ мясомъ.

Зубы. — Праздные придатки во рту гражданина, выбиваемые за ненадобностью.

Идіотъ — былъ бы я, если бы призналъ совѣтскую власть.

Керенскій. — Манекенъ для френча моднаго торговаго магазина «Зензиновъ, Минорь и Ко». Передь употребленіемъ взбалтывать. Когда говоритъ — бьетъ себя въ грудь. Такъ ему и надо.

Лам-ца-дрица--ца-ца. — Сокращенное наименованіе многихъ совѣтскихъ учрежденій. Государственный языкъ.

Москва. — Китайскій городъ внутри Россіи. Внутри Москвы — Кремль, внутри Кремля — Ленинъ, а внутри Ленина — такое, о чемъ въ приличномъ обществѣ не говорятъ.

Наганъ. —Единственное кушанье, которымъ надѣются кормить голодающихъ. Если же обѣдъ изъ трехъ блюдъ, то на второе — Маузеръ, на сладкое — Парабеллумъ.

О, чтобъ васъ черти подрали. — Фраза, произносимая шопотомъ отъ хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды.

Пипифаксъ. — Издѣліе государственнаго станка, испорченное уже при выходѣ изъ печати. Имѣетъ хожденіе наравнѣ съ другой оберточной бумагой.

Робеспьеръ. — Тоже французскій большевикъ, вродѣ Дантона. Тоже состоитъ изъ двухъ словъ: Робесъ и Пьеръ. Лицамъ, знающимъ французскій языкъ извѣстно, что такое робесъ, (напр. робесъ отъ модесъ). Робесъ — верхнее платье. Пьеръ по русски — Петя. Поэтому, всякій Петя, надѣвшій кожаную куртку, считаетъ себя Робеспьеромъ...

Серпъ и молотъ. — Государственный гербъ, символъ строительства и хлѣбопашества. Поэтому

совѣтская власть молотомъ хлѣбъ жнетъ, серпомъ гвозди заколачиваетъ.

Трилліонъ. — Карманная мелочь совѣтскаго гражданина на дневные расходы. Возится за нимъ на трехъ грузовыхъ автомобиляхъ.

Тумба тротуарная. — Матеріалъ для изготовленія памятника. Сверху придѣлывается голова, снизу пишется «Карлъ Марксъ». Лошади не пугаются, потому что ихъ нѣтъ.

У, чтобъ васъ чортъ побралъ. — Такой же крикъ, какъ и «О, чтобъ васъ чортъ побралъ», но несущійся не отъ Финскихъ скалъ до Колхиды, а отъ Амура до Днѣпра.

Финкельштейнъ. — Аристократическая фамилія для совѣтскаго посланника. Въ переводѣ на русскій языкъ — Литвиновъ.

Хабаръ. — Разсчетная единица при столкновеніи съ совѣтскимъ учрежденіемъ. Разстрѣливаются: 1) взявшій хабара, 2) давшій хабара. Впрочемъ не давшій тоже разстрѣливается.

Цынга. — Единственное кушанье, находящееся во ртѣ всякаго гражданина.

Чичеринъ. — Министръ иностранныхъ дѣлъ. Знаменитъ тѣмъ, что ввелъ новый стиль въ языкъ дипломатическихъ нотъ. Напр.: «Въ отвѣтъ на меморандумъ вашего идіотскаго правительства, имѣю честь сообщить, что мы плюемъ на васъ съ высокаго дерева. Лучше молчите, а то мы вамъ надаемъ по мордѣ, чтобъ васъ чортъ побралъ, имперіалисты проклятые! Съ коммунистическимъ привѣтомъ Чичеринъ, которому вы должны ноги мыть, да воду пить. На-кось, выкуси».

Шапка. — Ввиду отсутствія матеріала, замѣняется суррогатомъ: голова покрывается вшами, скрѣпленными колтуномъ. При встрѣчѣ съ чекистами эта шапка изъ почтенія снимается... вмѣстѣ съ головой.

Щ. — По новой орфографіи не полагается. Напр. нужно писать такъ: положи за счеку счи со сченкомъ». «Эта счука боится счекотки».

Электрофикація. — Испорченное слово отъ «электрофикція», что въ переводѣ значитъ: «Электричество тебѣ? А къ стѣнкѣ хочешь?»

Юбка. — Содранная съ женщины. Служитъ для Внѣшторга главнымъ предметомъ вывоза.

Я. — «Я обокраденъ Ленинымъ, ты обворованъ Троцкимъ, онъ убитъ Дзержинскимъ, мы отъ нихъ убѣжали, вы отъ нихъ дали деру, они отъ нихъ подрапали.

Ъ. (твердый знакъ). — При мягкости отношенія совѣтской власти къ населенію, не нуженъ.

Ь. (мягкій знакъ). — Остается на тѣлѣ послѣ допросовъ въЧе-ка.

Ѣ. — Составная необходимая часть хлѣба. Пока его писали черезъ ять, — хлѣбъ былъ. Стали писать «хлеб», — и нѣтъ хлѣба, а есть одуванчики, лопухъ и березовая кора, какъ извѣстно, буквы ять не имѣющіе.

V — Пока ея нѣтъ, но скоро пропишутъ.

Ѳ. — Ѳу, какъ я усталъ, сочиняя этотъ точный словарь совѣтскихъ словъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. Извиненіе автора 3
2. Голодный пикникъ 5
3. Атташе Канторовичъ 12
4. Контроль надъ производствомъ 17
5. Собачьи мемуары 20
6. Тайна графа Пурсоньяка 24
7. Теорія Эйнштейна и теорія Ползункова 29
8. Улитки 34
9. Мурка 42
10. Люди-братья 47
11. Исторія двухъ чемодановъ 52
12. Хомутъ, натягиваемый клещами 56
13. Новая русская хрестоматія 60
14. Разсказъ, который противно читать 64
15. Стэнли 69
16. Уники 75
17. Урокъ литературы 79
18. Страна иностранцевъ 86
19. Монументальное 90
20. Коммуненокъ 94
21. Новая Пасха. 100
22. Опытъ 105
23. Скорая помощь 110
24. Гибель Козявкиныхъ 114
25. Тоска по родинѣ 119
26. Совѣтскій словарь 124